

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

На правах рукописи



Русанова Анна Александровна

КОНСТРУИРОВАНИЕ НЕТИПИЧНОЙ ТЕЛЕСНОСТИ:  
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

09.00.11 – Социальная философия

Диссертация  
на соискание ученой степени  
кандидата философских наук

Научный руководитель  
доктор философских наук, доцент  
Лукьянова Наталия Александровна

Томск – 2019

## Оглавление

Введение .....	3
1 Философско-методологические основания исследования нетипичной телесности .....	17
1.1 Концептуализация «нормы» / «не нормы» в исследованиях телесности.....	18
1.2 Нетипичная телесность личности как социальный конструкт.....	47
2 Процессы конструирования нетипичности в социальных коммуникациях .....	65
2.1 Институциональные условия конструирования нетипичной телесности личности.....	66
2.2 Роль символических интеракций в процессах конструирования нетипичной телесности личности.....	75
2.3 Инкультурация нетипичности личности в массмедиа культуре.....	89
Заключение .....	107
Список литературы .....	112

## Введение

**Актуальность темы исследования.** Современное общество всегда рассматривало телесность в дуальных категориях мышления: «свой-чужой», «красивый-уродливый», «больной-здоровый» и так далее. Это позволяло упорядочить окружающий мир и осмыслить тело как некую социально-культурную «грань», выбрав собственный тип мышления. В течение длительного времени общество задавало, как правило, привязанные к пониманию идеального тела, эталоны, образцы для подражания. Однако в современном контексте становится актуальным исследование процессов, связанных с проблемой осмысления тела в отличных от нормы описаниях.

Тотальная визуализация современного коммуникативного пространства задает определенные правила «обращения» с образами телесности, а политкорректный язык формирует дискурсивную среду современного человека и те рамки, которые являются фундирующими в отношении «свой-чужой». В силу этого актуализация образа телесности, отличного от «эталона» тела, становится одной из социально-культурных задач, а раскрытие механизмов влияния современного культурного контекста на знание об «инаковом» («ином») теле является уже неотъемлемой частью научных дискуссий.

Одним из вариантов нетипичной телесности личности является наличие инвалидности, как формы независимой от субъекта инаковости, «вариацию» которую личность не выбирает в процессе своей жизни. Отметим, что в рамках развития проблемы инвалидизации населения, вопрос о новом «видении» человека с инвалидностью должен начинаться с формирования положительного, позитивного образа личности через средства массовой информации, в культурной среде, в языке в целом<sup>1</sup>. В качестве примера следует упомянуть, что даже попытки внедрения инклюзивного образования в российском обществе порой не увенчиваются успехом вследствие того, что «безбарьерная среда» не может

---

<sup>11</sup>Дегтярева В.В. Условия формирования образовательных стратегий субъектов инклюзивного образования в современном вузе // Философия образования, Издательство Сибирского отделения РАН (Новосибирск). 2014. № 3 (54). С. 165.

сводиться лишь к архитектурным особенностям, а должна отражаться в социально-культурном и философском осмыслении проблемы.

Тематика поведенческих, социально-культурных базисов отношения к людям с ОВЗ до сих пор находится в поле исследования только западных ученых. Несмотря на остро стоящую перед российским обществом проблему инвалидизации населения, данный вопрос поднимается только в области медицины либо в контексте социальной защиты, и ограничивается лишь внедряющимися архитектурными либо административными предписаниями. В современных научных отечественных дискуссиях на данный момент подобная тема является нераскрытой, вследствие чего первоначальной задачей является выявление некоей системы в *знании* о «норме» / «не норме» телесного бытия в рамках социально-философской парадигмы, и дальнейшее раскрытие механизмов формирования представлений о нетипичности.

Культура дает структуру предписаний и ценностей, которая, как и родительские указания, является лишь внешней опорой. Каждый день с экранов телевизоров, с глянцевого обложки журналов, со страниц Интернета человек получает сообщения не только о том, к чему «необходимо стремиться» и каким нужно быть, но и том, что он не соответствует многим стандартам и идеалам – он недостаточно хорош, недостаточно успешен, богат, красив и т.п. Потенциал массмедиа культуры в данном случае является основным, и весь его обширный инструментарий предлагает все новые вариации для инкультурации личности. Согласно основной концепции в области внедрения идеи «человеческого разнообразия», человек, имеющий с рождения или получивший в результате травмы или заболевания социальный статус «инвалид», предельно отождествляется с этим статусом и становится невидимым для других людей, как уникальная личность, в результате чего возникает проблема стигматизации. При этом, в рамках действительности, уже возникают конфликты в западном медиасообществе на почве столкновения эйблизма и «анти-анти эйблизма».

Обширное проблемное поле анализа принципов социального конструирования реальности методами визуалистики и языковых сентенций в

разрезе нетипичной телесности включает в себя вопросы социальных, экзистенциальных и культурных смыслов, затрагивая при этом семиосферу, как способ формирования «мнений» о предмете исследования.

Принципы визуального конструирования социальной реальности, по мнению автора исследования, напрямую связаны с теми формами и «характерами» отношений, которые выстраивались в течение долгого времени внутри самого социума по отношению к лицам с нетипичной телесностью, а семиозис языковых конструкций предписывает отношение к тому или иному объекту. Описание таких «ниш», занимаемых определенными видами людьми в конкретных обществах, нашло свое отражение в западной литературе и выразилось в конкретных моделях. Сами же модели конструируются благодаря тем культурно-историческим условиям, в рамках которых развивался отдельно-взятый социум, и являются частью социальных конструкций. Принципы социального конструирования реальности при анализе проблематики нетипичной телесности ранее освещались лишь в единичных трудах отечественных авторов.

К примеру, образ личности с ОВЗ практически не фигурировал в визуалистике СССР и стран Запада до 70-х годов XX века вследствие того, что до определенного времени модель нетипичности воспринималась обществом лишь как медицинский феномен («больной человек», «недочеловек») и социокультурная среда не возводила нетипичность в ранг насущных проблем<sup>2</sup>. Но в силу того, что фундамент отношений общества к людям с нетипичной телесностью базируется именно на тех конструктах и моделях социально-философского характера, которые преобладают в обществе, именно данные модели декомпозируются на восприятие. Вследствие чего проблема осмысления и социально-философского анализа конструкции нетипичной телесности видится актуальной в свете переориентации и переосмысления символического характера тела посредством социальных конструкций, формирующих отношение социума к нетипичной телесности личности.

---

<sup>2</sup>Малофеев Н.Н. Специальное образование в России и за рубежом: В 2-х частях. Часть 1: Западная Европа. М.: Печатный двор, 1996. С. 52.

**Степень разработанности проблемы.** Исследование проблемного поля процессов конструирования нетипичной телесности является малоизученным направлением в современной отечественной социально-философской мысли. В России, только в последние несколько десятилетий, начинают появляться работы, освещающие проблематику инвалидизации страны, охватывающие социальные проблемы инвалидов и акцентирующие внимание общественности на проблемах стигматизации данной группы населения на основе негативных инкультурационных практик. В это же время, в зарубежной практике, вопрос усиленного общественного внимания и исследовательского интереса к проблемам социальной стратификации людей, обладающих нетипичной телесностью («physically challenged», от англ. «испытывающих вызов со стороны физических возможностей», *прим. авт.*) уже входит в ракурс развернутого научного, но часто не философского дискурса.

Исследования феномена телесности в концептуальном ее смысле до сегодняшнего дня проводились в контексте различных философских направлений, но в основном осуществлялись на стыке социологии тела (Э. Дюркгейм, М. Мосс, П. Бурдьё и т.д.) и постиндустриальной философской мысли (К. Маркс – проблематика телесности в социально-экономической парадигме, П. Сорокин – теория социальной конвергенции, Ж. Бодрийяр и Ж. Вигарелло – эталоны телесности общества потребления). Телесность рассматривали в своих трудах Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Кант, Г. Гегель (категория бытийной составляющей и отношения человека к окружающему миру). Осмыслением позиции человека и его миропониманием занимались С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, П. А. Флоренский, М. Бубер, М. Хайдеггер.

Вопросы взаимосвязи телесных состояний человека от коммуникативных и символических процессов подвергали анализу: М. Шелер, А. Гелен, Х. Плеснер, Н. А. Грякалов, Б. В. Марков. Многие исследования, такие как труды Г. Вайсса и

Х.Ф. Хабер<sup>3</sup>, Н. Депраз, Ш. Галлахера<sup>4</sup>, Дж. Коуплэнда и Р. Гвин<sup>5</sup>, указали на необходимость междисциплинарной кооперации при рассмотрении вопросов телесности в социальной философии.

С точки зрения культурологии и социологии проблематику телесности освещали такие исследователи, как Л. Леви-Брюль (этнологические концепции), М.М. Бахтин (этнография и языкознание), А.Ф. Лосев и И.М. Быховская (феномен телесности в культуре). О символическом опосредовании телесности в культуре писали: К. Леви-Стросс, Р. Тернер, Р. Якобсон, С.С. Аверинцев, В.А. Бачинин. В свою очередь, указанные авторы отмечали символическую присущность культурных основ телесности, но не рассматривали конкретные механизмы формирования понятийных категорий «нормы» или «не нормы» тела.

В свою очередь, эстетическая философия С. Лангер, основывающаяся на неокантианском направлении философии Э. Кассирера и логики символизма Ч. Пирса, предлагает идею «нового ключа» в философии XX века. Основной принцип философии С. Лангер основывается на символическом характере познавательной деятельности человека и предлагает рассматривать проблематику конструирования мира с точки зрения именно дискурсивных символических и презентативных форм<sup>6</sup>.

Процесс конструирования социумом собственных реалий и представлений о чем-либо отразился в работе зарубежных исследователей П. Бергера и Т. Лукмана<sup>7</sup>. Работы К. Гергена являются главенствующей основой принципов социального конструкционизма, также, как и ряд обзорных работ Д. Вайнберга, Т. Хьельма, В. Берра и т.д. Феномен нетипичного телесного бытия как одной из вариаций телесных практик остается на сегодняшний день недостаточно раскрытой темой в

---

<sup>3</sup>Perspectives on Embodiment: The Intersections of Nature and Culture / Eds. G. Weiss, H. F. Haber. N. Y., 1999. P. 104.

<sup>4</sup>Depraz N., Gallagher S. Embodiment and awareness: perspectives from phenomenology and cognitive science. Torun. 2003. P. 98.

<sup>5</sup>Coupland J., Gwyn R. (Eds.) Discourse, the body, and identity // New York: Macmillan Publishers Limited, 2003. P. 28.

<sup>6</sup>Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства: Пер. с англ. С.П. Евтушенко / Общ. ред. и послесл. В.П. Шестакова. М.: Республика, 2000. С. 95.

<sup>7</sup>Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 152.

рамках социального конструкционизма в целом, несмотря на применимость данной методологии к объектно-предметной сфере<sup>8</sup>.

Весомый вклад в понимание роли языка в коммуникативных процессах внесли работы таких исследователей, как Ф. Соссюра, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Р.О. Якобсона. Ими была выделена экспликационная роль языкового кодирования в организации социальных структур общества и индивидуальной когнитивной сферы.

Исследование понятия «чужого» в обществе представлялись в работах Дж. Г. Мида («обобщенный другой»), Г. Зиммеля, З. Баумана, Р. Парка. Разработанные теории дискриминируемого меньшинства (С. Бёрнс, Т. Шекспир), валоризации (В. Вольфенсбергер, С. Томас) и стигматизации (М. Файн, А. Эш и др.) позволили внести весомый вклад в понимание стигматизации телесности.

Описание определенных «ниш», которые предназначались людям с нетипичной телесностью как базовой парадигмы институционального конструирования обозначено в работах Н. Н. Малофеева. Роль социальной среды и взаимосвязь конструктивизма в рамках категорий нетипичного тела описывала в своих трудах Е. Р. Ярская-Смирнова. В основном ее работы посвящены гендерной идентичности, анализу инвалидности как одного из направлений в социологии, изучению стратегии воспроизводства социального неравенства в России на примере семей с детьми-инвалидами, развитию инклюзивной культуры и теории человеческого разнообразия.

Работы И. Гофмана (в области стигматизации и теории девиации), М. Фуко (социокультурное направление исследования девиантного поведения), У. Эко (применение семиотического анализа при рассмотрении отличного от «нормы» образа) помогают раскрыть некоторые аспекты восприятия в социуме нетипичной внешности. Современные зарубежные ученые старались раскрыть гендерные аспекты инвалидности (Д. Моррис, Е. Клер, Л. Драйджер, Б. Хиллиер) и тему

---

<sup>8</sup>Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2018. С. 246.



профессионального статуса людей с ОВЗ (С. Н. Барнарт, М. Балер, М. Мейри, С. Румей и прочие).

Анализ взаимоотношений социума и нетипичной телесности освещался в труде профессора М. Оливера, где утверждалось, что акцент на телесном, характерный для медицинской модели, подчеркивает стигматизацию фигуры инвалида в обществе и является объектом для «жалеющего взгляда» доминантного большинства<sup>9</sup>. Такой подход в исследовании нетипичной телесности уже не является новаторским и не отражает современных социокультурных реалий, с помощью которых формируется инкультурационная среда личности, наделенного нетипичной телесностью.

Анализ работ, связанных с проблемой нетипичной телесности как одной из вариаций телесных практик демонстрирует, с одной стороны многообразие исследований телесности как социокультурного феномена, а с другой – указывает на недостаточную изученность процессов, посредством которых формируются значения о личности, обладающей нетипичной телесностью. Именно по этой причине социально-философский анализ процессов формирования значений, с помощью которых мы говорим о нетипичности тела, не может быть признан достаточно полным. Необходим анализ способов обозначения нетипичности, культурно-исторических практик и социальных интеракций, поскольку в описании и конструировании телесности сегодня невозможно провести границу между личностью и обществом.

**Объектом исследования** является телесность как знание о теле, формируемое обществом, подчиняющее себе индивидуального субъекта и раскрывающееся в социальных отношениях, языке и культуре.

**Предметом** исследования выступают процессы конструирования нетипичной телесности в обществе.

**Цель** диссертационного исследования заключается в социально-философском анализе процессов конструирования нетипичной телесности в

---

<sup>9</sup>Oliver M. Social Policy and Disability: Some Theoretical Issues // Disability, Handicap & Society. London : Routledge Taylor & Francis Group, 2007. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/02674648666780021>, free. Tit. screen (access date: 17.06.18).

социальных отношениях, языке и культуре с целью определения их взаимосвязанности.

Поставленной цели соответствуют следующие **задачи**:

1. Установить концептуальные основания в исследованиях телесности относительно бинарной оппозиции «нормы»/ «не нормы»;
2. Опираясь на ключевые положения социального-философского дискурса о стигматизации личности в обществе дать авторское определение нетипичной телесности как объекта конструирования в обществе;
3. Раскрыть институциональные условия конструирования нетипичной телесности личности, репрезентирующие отношение общества к инаковости и атипичному телу;
4. Выявить роль символического опосредования в процессах конструирования нетипичной телесности личности в обществе;
5. Определить специфику инкультурации нетипичности личности средствами массмедиа в социальных коммуникациях.

#### **Научная новизна диссертационного исследования.**

Научная новизна работы состоит в том, что впервые, на основе принципов социального конструкционизма, описаны процессы формирования представлений о нетипичном теле и способы существования нетипичной телесности личности в социальных коммуникациях. Более конкретно новизна значимых *результатов исследования* заключается в следующем:

1. Установлено, что бинарная оппозиция «нормы»/ «не нормы» относительно телесности фундирует новый ракурс рассмотрения проблемы нетипичности, демонстрирующий, что данная проблематика выходит за рамки основных подходов в исследовании телесности и становится проблемой в процессах взаимодействия личности и общества.
2. Предложено авторское понимание нетипичной телесности личности как объекта конструирования в обществе.

3. Раскрыты институциональные условия конструирования нетипичной телесности личности в поэтапном процессе: стигматизация, признание и включение.

4. Выявлено, что в процессах конструирования нетипичной телесности личности ключевую роль играет символическое опосредование как способ формирования значений, с помощью которых описывается нетипичность, инаковость, другость в обществе в следующей последовательности этапов: возможность существования «нетипичности» в социуме; обозначение границ между «нормой» / «не нормой»; символизация нетипичности как способ конструирования телесности.

5. Выявлено, что специфика инкультурации нетипичности личности средствами массмедиа в социальных коммуникациях проявляется в отсутствии четкой границы «нормы»/ «не нормы» в репрезентациях стигмы.

#### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Социально-философские подходы к исследованию телесности систематизированы на основе социально обусловленного разделения и типизации по принципу комплиментарности («свой»/ «чужой», «больной»/ «здоровый» и пр.). Выявлено, что бинарность лежит в основе самоидентификации человека в обществе и санкционируется социумом для унификации знаний и представлений о «правильном» теле. Институализация стандартов телесности как интегративного понятия, включающего биологические базисы, социальные, культурные и иные характеристики основывается на бинарной оппозиции «нормы» / «не нормы», что является ключевым условием для формирования представлений о нетипичной телесности в обществе. Бинарная оппозиция «нормы» / «не нормы» становится тем самым основой для формирования значений о нетипичности (друговости, инаковости, атипичности) и фундирует изучение социокультурного смысла инаковости личности в обществе.

2. Нетипичная телесность рассматривается как социальный конструкт, создаваемый посредством значений в социальной реальности. Результатами формирования значений относительно атипичного тела как тела, отличающегося

от нормы (атипичная внешность, наличие врожденной или приобретенной с возрастом инвалидности) являются модусы его восприятия в зависимости от социокультурного окружения. Установлено, что дискурс нетипичного тела выходит за рамки автономии идеального тела и далее происходит уже уровень идентификации и сравнения своего телесного бытия с тем, нетипичным телом. Предлагается оригинальное авторское определение нетипичной телесности личности в двух аспектах. В широком понимании нетипичная телесность есть сумма значений и согласованных норм, посредством которых фиксируются социальные и культурные различия личности, сообществ, групп (это могут быть маргинальные группы, личности с девиантным поведением и прочее), которые *самостоятельно* могут как «входить», так и «выходить» в рамки нетипичности. Установлено, что идентичность такого рода личности конструируется обществом через коммуникативные акты категоризации, приписывания себя к определенной общности, находящейся в рамках определенного дискурса. В узком смысле нетипичная телесность – это результат формирования значений относительно атипичного тела как тела, отличающегося от нормы по независящим от человека причинам (атипичная, нестандартная внешность, наличие врожденной или приобретенной с возрастом инвалидности).

3. Институциональные условия конструирования нетипичной телесности личности раскрываются в поэтапном процессе стигматизации, признания и включения личности с нетипичной телесностью в систему общественных отношений. На основе анализа и систематизации моделей «инвалидности», демонстрирующих отношение общества к инаковости описан процесс переосмысления проблемы стигматизации. Установлено, что императив нетипичности, имеет свое начало в группе «медикалистских моделей инвалидности», проецируя негативный аспект восприятия нетипичности как характерного знака «неполноценности». При анализе группы «реабилитационных моделей инвалидности» установлено, что следующим этапом переосмысления проблемы стигматизации является признание личности с нетипичной телесностью в качестве угнетенного меньшинства, одновременно происходит внедрение

дискурсивных практик отказа от эйблизма (например, использование политкорректного языка). Завершающий этап конструирования нетипичной телесности посредством институциональных форм нашел отражение в «социокультурных моделях инвалидности». На этом этапе личность с нетипичной телесностью включена в общественные отношения как полноценный участник, а граница между «нормой» / «не нормой» является социальной конструкцией, в которой дискурс инвалидности помещен в смысловое пространство коммуникаций. Проанализированные модели являются отражением институциональных флуктуаций внутри общества, которые отражают факторы изменения общественных договоренностей.

4. В процессах социального конструирования нетипичной телесности акцент делается на тех символах, посредством которых люди конструируют мир не индивидуально в своем сознании, а в социальных коммуникациях (в разговорах, соглашениях, социальных практиках). В этой связи коллективное участие в символическом обмене, как в процессе абстрактного построения реальности, становится центральным элементом самоопределения, где личность, проходя через стадию типизации, в том числе, по телесному признаку, либо осознает собственную нетипичность, инаковость и вливается в общество либо дифференцируется по принципу «свой/чужой». Установлено, что в процессах конструирования нетипичной телесности символическое опосредование играет ключевую роль в силу того, что протекание в сознании человека символических процессов порождает потребность в их реализации в коммуникативном акте. В таком случае конструирование нетипичной телесности заключается в нескольких уровнях сведения: возможность существования «нетипичности» в коммуникациях через ощущение инаковости (отличности) тела; внутри социума конструируются границы между «нормой»/ «не нормой», происходит символическая типизация (означивание) нетипичности; на третьем этапе символизация нетипичности становится способом конструирования телесности. Тем самым в символических формах происходит конструирование нетипичной телесности.

5. В современном обществе в процессах инкультурации нетипичности значимую роль играют массмедиа. Массмедиа коммуникации являются трансляторами символических форм нетипичной телесности. В коммуникативном пространстве, в силу его глобальности, стандарты «красоты» и «уродства» размываются. Традиционная система ценностей, диктующая правила восприятия нетипичности, не является теперь единственной, определяющей понятие «норма». Стандарты стигмы неясны, поскольку в данной моделируемой системе существует множество иконических кодов. Через глобальность массмедиа коммуникаций задается специфика инкультурации нетипичности как отсутствие четкой границы между «нормой» / «не нормой» в конструировании нетипичной телесности личности.

#### **Теоретическая и практическая значимость исследования.**

Теоретическая значимость исследования состоит в социально-философском анализе и последующей разработке концепции конструирования нетипичной телесности, отражающей размытость самого понятия нетипичности личности в массмедиа культуре. Конкретно прикладные результаты исследования выражаются в возможности их применения для разработки лекционных курсов по социальной философии, культурологии, философии культуры, инклюзивной культуры.

Выводы диссертации могут быть применимы в исследовательской практике по социализации людей с нетипичной телесностью и усилению роли инклюзии в разработке культурной идеологии государственных органов посредством междисциплинарности используемого подхода.

**Методологическими основаниями** для реализации цели и задач исследования выступают положения немецкого экзистенциализма М. Хайдеггера и Э. Гуссерля о теории пространственно-постигаемого материально-физического тела, «теле-вещи»; идеи неозволюционизма в культурной антропологии Л. Уайта, базисной структуры человеческого бытия Х. Плеснера и символическо-интерпретативной антропологии К. Гирца; идеи неотделимости телесных функций от коммуникативных и символических процессов М. Шелера, А. Гелена.

С целью раскрытия феноменологической парадигмы бинарной оппозиции телесных практик были использованы идеи философии духа Г. Гегеля, феноменологический экзистенциализм М. Мерло-Понти с его смыслопорождающими трансцендентальными формами; идеи Ж. П. Сартра и А. Бергсона об актах символической самоидентификации, Ж.-Л. Нанси и В. А. Подроги в части канонизации телесности в понятии «Другого».

Недостаточная проработка вопроса телесности, отличной от заданной «нормы» в социально-философском ключе привела автора к исследованию понимающей социологии М. Вебера и А. Шюца с идеями о типизации как методе универсализации знаний; истории культуры М. М. Бахтина; теоретических аспектов культуроцентризма М. Фуко об искаленном теле; культурологических аспектов восприятия телесности И. М. Быховской, и гендерной и инклюзивной политики восприятия нетипичности Е. Р. Ярской-Смирновой.

Многомерность объекта исследования определила необходимость обращения к обширному набору методологических установок культурологической, семиотической и конструкционистской школ, которые позволили определить роль знаково-языкового кодирования в процессах конструирования нетипичности личности. Фундирующими исследованиями были избраны работы неокантианской философии Э. Кассирера и эстетической философии С. Лангер, семиотическая концепция «кода узнаваемости» У. Эко и социального конструкционизма К. Гургена, Дж. Шоттера в дальнейшем развитого в работах Е.О. Труфановой.

**Степень достоверности и апробация результатов работы.** Диссертация является формой реализации одного из многих направлений деятельности социально-философской и семиотической школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета. Достоверность представленного диссертационного исследования обеспечена предварительным глубоким всесторонним анализом имеющихся в научном сообществе работ по объектно-предметной области исследования. Также исследования по тематике диссертации были поддержаны грантом РФФИ

«Визуальные репрезентации будущего как фактор конструирования образа России» №19-011-31182.

Апробация результатов исследования проходила в рамках научных конференций: Международная конференция студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук» (ТГУ, Томск, 2016, 2017); VIII Международная научная конференция «Мировоззренческие основания культуры современной России» (МГТУ им. Г.И. Носова, Магнитогорск, 2017); XXIX Ежегодная Международная научная конференция «Язык и культура» (ТГУ, Томск, 2018). Также промежуточные итоги исследования были представлены на II Международной научной конференции «Россия и Запад: актуальные вопросы социологии, политологии и международных отношений в эпоху глобализации» (УдГУ, Ижевск, 2018); IX Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (КемГУ, Новокузнецк, 2019); Международной научно-практической конференции «Креативные стратегии культуры: человек, время, событие» (ТГУ, Томск, 2019).

**Публикации по теме диссертации.** Основные положения работы изложены в серии публикаций, среди которых 5 работ включены в список ВАК, 6 статей входят в состав публикаций, индексируемых РИНЦ.

**Структура диссертации.** Работа состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения, списка литературы (140 источников, в том числе 45 на иностранных языках). Общий объем диссертации – 124 страницы.



## **1 Философско-методологические основания исследования нетипичной телесности**

Любое исследование, посвященное раскрытию категорий телесности с позиций социально-философского анализа, традиционно начинается с самого определения понятия «телесность», с определения уровней рассмотрения телесных практик и фундирующих ее направлений, как в философии, так и в социально-культурном пространстве. Целью данного раздела является установление концептуальных оснований философских направлений, посвященных изучению телесности в рамках осмысления парадигмальных позиций «нормы» / «не нормы» телесных практик. Помимо имеющихся различий в понимании «нормы» / «не нормы» телесности, в позициях ключевых авторов традиционных философских течений (Г. Гегель, Р. Херц, Э. Дюркгейм, М. Мосс, М. Фуко, П. Бурдьё) и постиндустриальной философской мысли (П. Сорокин - теория социальной конвергенции, К. Маркс – проблематика телесности в социально-экономической плоскости, Ж. Бодрийяр и Ж. Вигарелло – эталоны телесности общества потребления), автор рассматривает наличие, либо отсутствие, позиций в отношении «не нормы» телесности у авторов относительно современных направлений - представителей социокультурного анализа и социального конструкционизма. Стоит отметить, что проведение сравнительного анализа рассматриваемых философских течений не является корректным, поскольку перед данными исследователями стояли разные задачи в осмыслении телесного аспекта. К примеру, в феноменологической парадигме основной задачей являлось выявление природы Другого, в отношении которого происходит уже соотношение себя в структуре самовосприятия («соотношение с зеркалом мироздания»). Конструкционисты же старались определить формирующие механизмы или способы формирования значений в отношении какого-либо объекта онтологической реальности. В силу вышеуказанного автор диссертационного исследования отказывается идти по пути сравнительного анализа ключевых направлений философской мысли в отношении «нормы» / «не нормы» телесности.

Поэтому в данной главе представляется важным именно определение релевантной методологической базы для рассмотрения атипичной телесности, как вариации бинарной оппозиции телесности, не через само сравнение, а через установление концептуальных оснований в понимании «не нормы» телесного, фундирующих понимание или формирование «инаковости».

При этом, автор учитывает, что идея дихотомии человеческого существования, бинарность его бытия имеет давнюю философскую традицию в плане признания модернистских утверждений, согласно которым именно в бинарности кроются основные принципы мышления человека. Диалектика, как вариация классической философской мысли, раскрывает принципы и признает фундаментальность человеческих и природных антиномий (М. М. Бахтин, В. А. Лекторский, Н. А. Бердяев). Теория архетипов К. Г. Юнга подкрепляет позиции бинарности глубинной психологией человека и его стремлением разделять, пусть даже атомарно, многие социальные, культурные и философские категории.

### **1.1 Концептуализация «нормы» / «не нормы» в исследованиях телесности**

Проблематика телесности, как философского аспекта, имеет давнюю историю. С точки зрения теоретических подходов в изучении телесности в западноевропейской философской мысли, природа тела имеет предельно широкие категории – «самосознание», «мир», «бытие», но при этом акцентирование происходит только на духовной составляющей телесных практик. Тело является как бы целостным опытом, основанным на присутствии человека в мире. Несомненным является тот факт, что тело, в рамках осмысления социальной философией, и мир являются фундаментальными объектами, формирующими мировоззрение. Телесность является многогранной категорией, которая основывается на самом антропном существовании

Уже во времена античности отношение к телу человека было однозначным: вся античная философия и культура были телесно-ориентированы и предельно

детерминированы (древние греки определяли человека термином «soma» — «крепкое», «здоровое тело») что влекло за собой определенную обобщенность термина «тело» с космосом. В теории Платона и Аристотеля, телесность является иррациональным субстратом по отношению к Духу<sup>10</sup>(об этом упоминали в своих работах А. Августин, Р. Декарт, Ф. Гегель и И. Кант). Аристотель сравнивает процесс придания «формы» человеческому телу с процессом работы ремесленника, поскольку ремесленник (как и Бог) наделяет бесформенную глину материальным значением (идею). «Поскольку тело — это есть не просто обычное человеческое тело, с его слабостью, болезнями и смертью, оно необходимо есть идеальное тело. Это – такое тело, в котором нет ничего, кроме духа. И это такой дух, в котором нет ничего, кроме тела. Это – полная взаимопронизанность духа и тела, абсолютное равновесие духовного и телесного. Отсюда, античное тело с диалектической необходимостью оказывается человеческим телом, а основная интуиция античности с диалектической необходимостью оказывается скульптурной интуицией»», — говорил известный исследователь античной философии телесности А.Ф. Лосев<sup>11</sup>.

В учениях постклассической философии тема телесности в философском ключе начинает развиваться с позиции неразрывности телесного и духовного начал, упоминания об этом встречаются в работах С. Кьеркегора, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра.

Стоит также, выделить представителей феноменологического течения в исследовании телесности – Д. Сильвермена (анализ социальных значений, символов), М. Мерло-Понти, И. Гофмана (социальная драматургия), В. А. Подорогу («полное и рассеченное», «мертвое тело») и др. Целью феноменологической парадигмы являлась конкретизация и преодоление несогласованности трактовок телесного между социальной системой и субъективным миром человека. Идеинная категория «назад к вещам» в самом

---

<sup>10</sup> Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии // PSYLIB: библиотека Фонда содействия развитию психической культуры. URL: [www.psylib.org.ua/books/lose000/txt005.htm](http://www.psylib.org.ua/books/lose000/txt005.htm), свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 06.11.2015).

<sup>11</sup> Там же.

полном ее понимании позволяет взглянуть на телесную составляющую человека через призму Другого, тело-канона.

*Антропологический подход*, ознаменовавший своим приходом начало постановки проблем взаимодействия человека и социума, подчеркнул тесную взаимосвязь природы, человека и культуры (Л. Уайт, К. Гирц, Х. Плеснер, В. А. Подорога). Траекторию движения от восприятия индивидуального телесного к коллективному телесному пониманию выясняли российские ученые В.И. Бажукова, Е.Э. Газарова. Антропологией называется философское учение о сущности человека, его происхождении и предназначении во Вселенной, базовые основы которой были заложены еще в древней Греции: тезис Протагора – «человек-мера всех вещей» и «познание человека через самого себя» Сократа говорит о том, что греческая мысль хоть и наделяет человека силой обладания разумом (Логосом), но выделяет его живое существование в этом мире через призму телесного Космоса, где правит судьба и мировой Ум<sup>12</sup>. Если тело в эпоху античности и Возрождения играло роль в ключе соотношения телесного и духовного начал (если посмотреть на скульптурные произведения, где тело предельно оголено и тождественно духовной сущности), то в процессе перехода к модернизму отодвигается на второй план, так как априорным полагается суждение о Разуме, нивелирующим все остальные понятия. Единственной ролью тела было определение внешних характеристик человека, социального статуса или религиозной принадлежности<sup>13</sup>. Однако, в эпоху философии XX в. понятие тела опять начинает постепенно вводиться в обиход и вновь становится предметом изучения. Философы постепенно приходят к выводу о том, что телесную составляющую человека нельзя рассматривать только в качестве внешней давности, ведь тело- есть понятие человеческой субъективности.

Данное событие было обусловлено бурным развитием философской антропологии в рамках которой освящалась соматическая (от *греч.* «сома» - «тело»)

---

<sup>12</sup>Словарь философских терминов / научная редакция профессора В. Г. Кузнецова. М.: ИНФА-М, 2005. С. 15.

<sup>13</sup> Alsberg P. In Quest of man. A biological approach to the problem of man's place in nature.URL: <https://www.elsevier.com/books/in-quest-of-man/alsberg/978-0-08-015680-4> (access date: 17.03.18).

проблематика Человека, основанная на онтологическом его (человека) понимании. Исторический обзор антропологической телесности показал, что зарождалась она на первоначальном изучении сущности человека, касающейся его универсальности. Базисом послужило разнообразие социальных отношений в различных социумах, которые выявляли проблему онтологических универсалий. В соответствии с этим, в эпицентре философских размышлений оказалось тело, как онтологическая проблематика, на котором центрировалось человеческая универсальность. Телесность, неся в себе институциональные категории биологических основ, социальных и культурных составляющих, позволяет мыслить человека в контексте целостности – это и легло в основу антропологической философии, которая в последующем разделилась еще на ряд внутренних течений, основные приверженцы которых будут представлены ниже.

Антропологическое течение в философии изучает телесность с позиции взаимоотношения культуры и социума, анализируя взаимосвязь телесных аспектов и коммуникативных процессов (А. Гелен, Ж. Вигарелло, Х. Плеснер, М. Шелер, В. А. Подорога). В целом изучение тела на ранних этапах антропологических исследований играло важную роль, так как позволяло разрешить проблематику социального релятивизма. В идеях изучения тела, как предмета философской антропологии, можно проследить линию, идущую от Л. Файербаха с его сенсуализмом<sup>14</sup> и ведущую к С. Тимпанаро с присущим его материализмом<sup>15</sup>. Я. В. Чеснов, в свою очередь, выделял две антропологические конфигурации обоснования телесности в философии: общефилософский и философско-антропологический<sup>16</sup>. Описание подобных же разновидностей способов познания мира через тело дается Ж.-Л. Нанси в его книге «Corpus» (где также представляется возможным ознакомиться с дискуссией В. А. Подороги и Е. Петровской на данную проблематику).

---

<sup>14</sup>Kamenka E. The Philosophy of Ludwig Feuerbach / London: Routledge & Kegan, 1970.P. 15.

<sup>15</sup>Timpanaro S. On Materialism // London: New Left Books. 1975.P. 200–215.

<sup>16</sup>Чеснов Я.В. Телесность человека: философско - антропологическое понимание. М.: ИФ РАН, 2007. С. 204–211.

Ж.Л. Нанси рассматривал человеческое тело в качестве чужеродного, которое целиком и полностью ориентировано на внешнее, на показ. Якобы у человека нет «своего тела», а телесность проявляется лишь как реконструкция<sup>17</sup>. Но, с другой стороны, согласно мнению Ж.Л. Нанси, тело является одновременно «означающим» и «означаемым». По мнению Е. Петровской, такое тело у Ж.Л. Нанси удалено от самого человека. Таким образом можно констатировать, что в попытках антропологического осмысления тела Ж.Л. Нанси видит только одну функцию тела – тактильную, т.е. осмыслять телесность с других позиций является бессмысленной идеей, по мнению Ж.Л. Нанси.

По мнению Я.В. Чеснова, «топологический анализ телесных практик, отказываясь от опоры на нормативные ценности восприятия, пытается в своем описании того или иного телесного феномена учесть его перцептивную *непредопределенность*, т.е. именно то, что феноменологический субъект не принимает во внимание с самого начала. Феномен тела, в таком случае, описывается В.А. Подорогой не столько с точки зрения возможной включенности в горизонт сознания, а с точки зрения имманентного, не интенционального строения, где функция субъекта сведена к минимуму. Другими словами, телесный образ, имея топологическое описание, сохраняет свою конфигурацию, и даже при наличии фрагментированного или диффузного тела, именно таким образом он и должен быть дан в описании»<sup>18</sup>. Именно поэтому философская антропология подразумевает под собой осмысление собственного телесного опыта не с позиции нормативной установки (больного тела, аскетичного тела и т.д.), «а с позиции возможности жить в живом мире, обладающим телом и духом существа. И, как бы возможно выразился Ж.Л. Нанси, не просто обладающего телом, но и телом, которое обладает (мною). Отсюда вытекает важность различия между телом, которое «нам принадлежит» и которое мы называем «своим», и телом, которому

---

<sup>17</sup>Нанси Ж.-Л. *Corpus* / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Е. Петровская. М: Издательство AdMarginem, 1999. С. 54–55.

<sup>18</sup> Чеснов Я.В. Телесность человека: философско - антропологическое понимание. М.: ИФ РАН, 2007. С. 5.

мы «принадлежим» и по отношению к которому не можем воспользоваться предикатом присвоения, ибо, принадлежа ему, мы не в силах его присвоить»<sup>19</sup>.

В рамках рассмотрения основных течений философской антропологии стоит выделить и такое направление, как – антикапиталистический романтизм, развитый в идеях Л. Клагеса, который, в процессе исследования эроса и экстаза смог прийти до первооснов человеческого общества. С. Георге в свою очередь развивал теорию о человеческом характере, в котором он выделял трехчленное измерение: «тело» (Leib), «душа» (Seele) и «дух» (Geist)<sup>20</sup>, что сыграло важную роль в развитии теоретических основ социальных наук Германии и Голландии и оказало косвенное влияние на становление такого методологического подхода, как философская антропология. Элементы данной трехчленной парадигмы можно найти и в социологии А. Гелена<sup>21</sup>. Он, позаимствовав базовую концепцию Ф. Ницше о том, что человек – незавершенное существо, говорит о том, что для того, чтобы укрыться от внешних факторов, человеку нужны защитные покровы институтов культуры, которые он сам создает в процессе социализации<sup>22</sup>. Телесность же, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, заставляет человека вспоминать о своем, природном, существовании и подобный взгляд на культуру (на религию и язык, в частности), как на «поддержку», закладывает теоретические основы философско-антропологического понимания реальности «как социальной конструкции»<sup>23</sup>.

Говоря о философской антропологии, как о науке, изучающей человека в различных контекстах, следует отметить, что само отношение к телу менялось с течением времени. П. Альсберг в начале XX в. высказывал идею о том, что «выключение» тела из человеческой практики стало основным двигателем антропогенеза<sup>24</sup>. На основании идей П. Альсберга А. Гелен создал

---

<sup>19</sup>Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в филос. антропологию. М: Издательство AdMarginem, 1995. С. 7–8.

<sup>20</sup>Bowra C.M. The Heritage of Symbolism // London: Macmillan; Second Printing edition 1943. P. 180.

<sup>21</sup>Gehlen A. Man, his Nature and Place in the World // New York: Columbia University Press. 1988. P. 59.

<sup>22</sup>Berger P.L. and Kellner H. Arnold Gehlen and the Theory of Institutions // Social Research, 1965.P. 110–115.

<sup>23</sup>Berger P.L. and Luckmann T. The Social Construction of Reality // London: Allen Lane, 1967. P. 25–31.

<sup>24</sup>Alsberg P. In Quest of man. A biological approach to the problem of man's place in nature. URL: <https://www.elsevier.com/books/in-quest-of-man/alsberg/978-0-08-015680-4> (access date: 17.03.18).

антропологическую концепцию технократического консерватизма, согласно которой человек является биологически «незавершенным существом»<sup>25</sup> и для полноценного самовыражения человек начинает создавать социальные институты и морально-правовые нормы. По мнению А. Гелена у человека полностью редуцированы инстинкты, а социальные институты призваны обеспечить человеку защиту от окружающей среды и являются заменой редуцированных инстинктов, симуляцией. В своих работах относительно антропологии А. Гелен пытался порвать с метафизическим основанием соматологии и продолжил традиции М. Шелера, но был более радикален по отношению к телесной составляющей человека.

М. Шелер, как один из основоположников немецкой философской антропологии, полагал, что телесность следует исследовать только вкупе с его (человека) духовными проявлениями. В своих трудах (в частности, в «Положении человека в космосе») М. Шелер, опираясь на феноменологию Э. Гуссерля, пытался «заново» описать положение человека в мир. Базисным пониманием человека является, по его мнению, критичное отношении к разделению человеческой природы на «субстанции» (фундаментом являются труды Р. Декарта). Ориентацию на Разум, при этом, М. Шелер нивелировал, дабы избежать унификации. По его мнению, также, за любыми ощущениями у человека стоит именно чувственное желание ощутить предмет (примат чувственности).

М. Шелер и А. Гелен постулировали единую идею открытости миру человека, первоначальной данности этой реальности в самом человеке и для человека (при этом животному, по их мнению, отказано в этой реальности). Но проблемной стороной их антропологии является наличие общей реальности для всех существ, отличием является только способности и потребности существ.

Итак, понятие телесности, как универсальной философской категории, соединяющей в себе атрибуты человека, включенные в систему физиологических, психических, духовных и естественных категорий является одним из ключевых в философской антропологии. В рамках данной концепции телесность включена в

---

<sup>25</sup> Gehlen A. Man, his Nature and Place in the World. 1988. P. 58.



систему ценностей, социального нормирования, осуждения и одобрения. В узком понятии антропологии телесность равна нашему организму, и дана нам при рождении. В широком понимании телесности осознавалось антропологами как нечто, соединенное с природным миром. Поэтому понятие телесности здесь означает один из атрибутов человеческой индивидуальности, ее существования (экзистенциальный атрибут).

Приходя к общему осмыслению философской антропологии, можно сделать вывод о том, что к концу XX века человек старается выразить себя посредством определенных телесных практик, придавая телу инструментальный характер. В процессе делигитимации трансформация телесности уже не становится настолько табуированной, в отличие от традиционного общества (об идеях транссексуальности и утрате своего телесного бытия говорил и Ж. Бодрийяр в «Прозрачности зла»). И ориентация на телесную культуру в постмодерне является в какой-то мере, обусловленной вследствие желания «спасти» личность от симуляции.

В широком смысле антропологическая философия о телесности исходит из понятий феноменологии Э. Гуссерля, только в отличие от него она провозглашает лозунг: «Назад к человеку!» (в отличие от феноменологического: «Назад к вещам!»). Проблематика ориентации философской антропологии заключается в том, что изначально большинство представителей данной школы эксплицировали понятие о человеке на «науки о духе» (Geisteswissenschaften), а не на культуру (хотя в своих поздних работах А. Гелен в большей части делал отсылки именно к культурной составляющей человека, которая определяет соматизацию культуры). Культурологический пессимизм и политический консерватизм основателей данной школы в некоторых местах даже переплетался с немецким национализмом (О. Шпенглер, Э. Юнгер), что в корне расходится с точкой зрения автора данного исследования, так как предметная область не лежит в поле философско-политических размышлений.

Проблематика же «наук о духе» была развита Э. Ротхакером, хотя он тоже был приверженцем национал-социализма, его политические идеи не легли в основу

его трудов, главенствующее место в которых занимало изучение бытия человека в культуре и социуме, как представление о подлинной человеческой природе. Далее же это учение легло в основу трудов М. Ландманна, но в отличие от А. Гелена и Х. Плеснера (с их критикой экзистенциализма), М. Ландманн и Э. Ротхакер пользовались отдельными положениями М. Хайдеггера (что говорит о первоисточнике философской антропологии в лице феноменологии). Культурная антропология Э. Ротхакера в свою очередь выводит проблематику человеческой природы (как и телесности) на новый уровень понимания, где действительность бесконечно многообразна, в соответствии с этим каждое явление человеческой природы тоже является бесконечно разнообразной. Многообразие познания осуществляется уже на уровне слова (а не на понятийном варианте), через которое происходит редукция сложности самого бытия. Иными словами, Э. Ротхакер предлагает иное видение картины мира человеческого бытия, отличного от видения других представителей антропологического течения – он представляет мир вокруг человека созданным «для него», а не «в нем» (В. А. Подорога, Ж.- Л. Нанси), более того с помощью культурологической картины мира, вписанной в соматическую природу, Э. Ротхакер говорит об отличии предметной области в соответствии с различными историческими эпохами, и картина мира меняется в зависимости от смены «позиции». Сама тематика «перспективизма» Э. Ротхакера вносит в философскую антропологию новые тезисы об относительности понятий телесности, которое коррелирует с социально-культурной эпохой<sup>26</sup>.

Социально-антропологическая традиция дистанцирования от непосредственного социального окружения (Э. Дюркгейм) развивается И. Гофманом, который структурирует реальность повседневной жизни при помощи метафорических моделей в процессе анализа поведения людей в непосредственном взаимодействии в обществе. Этот подход представляется важным в целях исследования обширной традиции анализа текста и языка в

---

<sup>26</sup> Спирина Э.М. Эрих Ротхакер как культурный антрополог. Спектр антропологических учений. Вып. 1 / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: ИФРАН, 2006. С. 115.

зарубежной социологии, философии и социальной антропологии (М. Мид, Х. Г. Гадамер, М. Мосс).

В целях раскрытия категориальных вариаций «нормы» / «не нормы» телесных практик с позиции антропологии следует подчеркнуть, что данная бинарная оппозиция хоть и не была явно раскрыта, но присутствует в исследованиях, посвященных проблематике философии идентичности. Философия самоидентификации стала одной из явных проблем XX столетия, кризисным осмыслением которой стали заниматься философы, психологи и социологи<sup>27</sup>. Антропологический метод позволил привести феноменологическую и метафизическую составляющую в аспекты изучения идентичности человека, а также исследовать онтологические позиции человека по этому вопросу. Проблема идентичности тесно связана с понятиями субъекта, личностной сферой, проблемой границ и внешних пределов «Я». По мнению антропологов, индивид может, как в реальном мире обладать самоидентичностью, так и просто ее мыслить, воображать. С. Гурин выделял три этапа как уровни осознания и реализации субъекта своей идентичности: самоопределение личности, ее самореализация и самопревосхождение<sup>28</sup>. В качестве самоопределения С. Гурин указывал самоидентификацию индивида с внешним идеалом, которая зачастую могла быть произвольной (внешнее подобие, наружное сходство, родство). Данная тождественность устанавливается как внешнее соответствие с моделью, образцом. Основными категориями для осмысления идентичности в данном случае могут выступать как визуальные составляющие, так и язык. Отмечается, что внешняя идентичность может быть навязана индивиду, но может и не сходиться с его внутренними установками. Внутренняя идентичность (уровень самореализации) рассматривалась с позиции *субстанциональной идентичности*, предполагая отождествление человека с *телом*, семьей, нацией. «Субъект не может быть сведен к субстанции, он всегда больше своей телесности и социальности. Идентичность –

---

<sup>27</sup> Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии. URL: [http://www.voppsy.ru/journals\\_all/issues/1996/961/961131.htm](http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1996/961/961131.htm). (дата обращения: 16.01.2019).

<sup>28</sup> Гурин С. Философия идентичности // ТОПОС. Литературно-философский журнал. 2001–2019. URL: <http://www.topos.ru/article/6727>, свободный. – Загл. экрана (дата обращения: 16.01.2019).

это метафизический факт самосознания Я себя как такового вне зависимости от социально-культурного контекста»<sup>29</sup>. По мнению антропологов, идентичность человека (в том числе и его телесные аспекты в понятиях категории «нормы» / «не нормы») реализуется в психиатрических и экзистенциальных измерениях в соотношении себя, своего «Я» с бытием и, тем самым, *человек сам конструирует себя*. С. Гурин также отмечает, что идентичность необходимо рассматривать в динамике как процесс выбора своей роли в онтологическом ее понимании, где идентичность является фактом коммуникации коллективного бытия. Трансцендирование, выход человека за пределы самого себя – вот что является финальным этапом становления личности.

Подводя итог вышесказанному можно сказать о том, что основными течениями в философской антропологии являлись понятийные категории, связанные с попыткой осмысления человека и его соматической сферы как «внутри самого себя», так и «выходя за его пределы» (чем данное направление и схоже с феноменологической традицией). Описывая социум и культуру как предикативную среду, многие исследователи отмечали ее влияние на механизмы восприятия человеком действительности и своего тела, но при этом, в концепции самоидентификации склонялись более к личностному самоопределению и «самоконструированию»<sup>30</sup>. Ю. Лотман писал, что «история – это процесс, протекающий «с вмешательством мыслящего существа»<sup>31</sup>, что означает, что в точках бифуркации исторического и культурного самосознания вступает в силу не только момент «случайности», но и сознательный выбор социума, который определяет сам – по какой траектории будет развиваться та или иная мысль. При этом человек, погружаясь в созданное им культурное пространство, неизбежно начинает структурировать мир вокруг себя и организовывать пространственную сферу. «Сфера эта включает с одной стороны, идейные представления, семиотические модели, а с другой, – воссоздающую деятельность человека, так как мир, искусственно создаваемый людьми – агрокультурный, архитектурный и

---

<sup>29</sup>Тульчинский Г. Постчеловеческая персонология. СПб, 2002. С. 45.

<sup>30</sup>Жижек С. Возвышенный субъект идеологии. М., 1999. С. 56.

<sup>31</sup>Там же. С. 324.

технический, – коррелирует с их семиотическими моделями»<sup>32</sup>, что не учитывается в контексте социальной проблематики исследования телесности, но необходимо для детального анализа проблемного поля данного исследования.

В контексте объектно-предметной сферы данного исследования категориальный аппарат самоидентификации личности с точки зрения антропологической философии является более трансцендентальным, и не помогает в полной мере раскрыть процессы, с помощью которых конструируется само понятие «нормы» или «не нормы» в телесных практиках.

*Феноменология телесного.* Немецкий философ и социолог Х. Плеснер, в своем труде «Ступени органического и человек», обрисовал два типа телесности в философии. Первый тип относился к чисто антропологическому подходу – «граница есть лишь виртуальное «между» телом и примыкающей средой, то, «где» оно начинается (прекращается), поскольку иное в нем прекращается (начинается)»<sup>33</sup>. В этом случае граница не принадлежит ни телу, ни среде как таковой, а она представляет собой «чистый переход от одного к другому»<sup>34</sup>. Второй же тип границы телесности он охарактеризовал как границу, реально принадлежащую телу в качестве «вещественного» («граница здесь становится сущей») и телесность в данном случае имеет границы в себе самой, что в свою очередь разделяет ее на внутреннее и внешнее антагонистическое понятие. При этом условии становится явным, что одна из функций границ, в данном случае основанной на антагонистических понятиях, состоит в конструировании телесности, организации ее и является формой ее единства<sup>35</sup>. Второй тип границ, по большому счету, относился (соответствуя понятию «внутренняя граница телесности») к феноменологическому подходу в исследовании телесности.

В изначальном смысле феноменология была вписана в учение о философии в качестве той части, которая занимается анализом движения в свете категориальной модальности, т.е. случайности, необходимости. В

---

<sup>32</sup>Жижек С. Возвышенный субъект идеологии. М., 1999. С. 296.

<sup>33</sup> Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 110

<sup>34</sup>Там же. С. 100.

<sup>35</sup>Там же. С. 112.

«Феноменологии духа» Г. Гегеля под феноменологией понималась та часть философии, которая должна была служить фундаментом для таких дисциплин, как логика, философия природы и философия духа. В более поздней философии Г. Гегеля феноменологией именовалась та часть философии, которая изучала субъективный дух и находила свое место между антропологией и психологией и исследовала самосознание, сознание и разум<sup>36</sup>. Иными словами, можно сказать, что в рамках феноменологического подхода осуществлялся поиск новых парадигмальных подходов к традиционным в философии вопросам. К. Свасьян говорил, что феноменология является «археологией» очевидного содержания нашего сознания и открывает перед нами возможность конструирования реальности и границ человеческого существования безотносительно к накопленным опытам и предрассудкам, позволяя исследователю освободить сознание от стереотипов и установок, затрудняющих оценочное суждение о человеке в мире и пространстве<sup>37</sup>. При всей данности мира в качестве «мира вещей, благ и ценностей» феноменологический подход отказывается от непосредственной «данности», и она ставится под вопрос, требуя специфического анализа.

Интерсубъективность (обобщенный опыт представления предметов), которая обосновывается принципами феноменологии, выявляет принципы единства сознания, которое позволяет глубже взглянуть на предмет дискуссии и существенно углубить понимание человеческого бытия и, прежде всего, телесного отношения человека к окружающему его миру. Актуальным, с точки зрения феноменологии, является проблема связи между интерсубъективностью и единством сознания. Проблему же интерсубъективности в ее пределах помогает решить раскрытие принципов трансфера знаний, которое и обосновывает единство сознания.

К традиционным именам, относящимся к западной феноменологической парадигме рассмотрения проблемы тела (к примеру, Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти,

---

<sup>36</sup>Гегель Г.В. Ф. Сочинения. Том 03. Энциклопедия философских наук. Часть 3. Философия духа. Перевод Б.А. Фохта. М.: Госполитиздат, 1956. С. 201 –229.

<sup>37</sup>Свасьян К.А. Феноменологическое познание: Пропедевтика и критика / АН АрмССР. Ин-т философии и права. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. С. 26–35.

М. Хайдеггера и других) можно присовокупить имена и отечественных феноменологов: Н.В. Мотрошиловой и И.С. Вдовиной. Публикации, освящающие проблемы феноменологии последних времен, все больше указывают на инференциональный базис парадигмы «улучшения человека». Проблематика телесности входит в этот дискурс в связи с неуклонным ростом вопросов об «улучшении человека», споров об определении «природы тела» для уточнения центральных философских понятийных категорий. В последние десятилетия состояние разработанности темы телесности объективно увеличилось, ведь данной проблематикой стали заниматься на междисциплинарном уровне, и об этом говорят множественные исследования, такие как труды Н. Депраз, Ш. Галлахера<sup>38</sup>, Г. Вайсса и Х. Ф. Хабе<sup>39</sup>, Дж. Коуплэнда и Р. Гвин<sup>40</sup>, рассматривающие вопросы дискурса философии, естественных наук и телесности. В работах таких авторов, как С. Керн, Р. Скотт, А. Бреннер и др. нередко, для исследования вопросов телесности, использовался именно феноменологический опыт исследования, особенно идеи М. Мерло-Понти. Как отмечает Б. Вальденфельс, «феноменология может способствовать совершенствованию культурного и межкультурного сенсориума и задать перспективу культурно-исторического исследования»<sup>41</sup>. Сам же феноменологический подход определяет способность методологии к раскрытию термина «телесность» и «тело» вне конкретных дисциплин, культур и социальности.

Говоря о феноменологической методологии исследования телесности (границы типов телесности по Х. Плеснеру) можно обратить внимание на границу феноменологического переживания телесного контакта с окружающим нас миром, с данной точки зрения предполагается, что картина мира будет изменчива и не стационарна по отношению к телу. При этом, внутренняя граница телесности (это может быть одежда, само тело и предметная среда) может выходить за рамки тела-

---

<sup>38</sup>Depraz N., Gallagher S. Embodiment and awareness: perspectives from phenomenology and cognitive science. Torun. 2003. P. 105.

<sup>39</sup>Weiss G., Haber H.F. (Eds.) Perspectives on Embodiment // The Intersections of Nature and Culture. New York. 1999. P. 106.

<sup>40</sup>Coupland J., Gwyn R. (Eds.) Discourse, the body, and identity / New York: Macmillan Publishers Limited, 2003. P. 205.

<sup>41</sup>Там же. P. 13.

объекта. Напомним, что, исходя из теории Х. Плеснера, само тело человека может выступать как «граница», промежуточный слой между «Я» и внешним миром, где «Я» может быть включенным в эту границу, а также может выступать в качестве ограды, барьера по отношению ко внешнему, преодолевая телесное сопротивление. Это может говорить о том, что с точки зрения феноменологического подхода в исследовании телесности, граница не должна выступать в качестве «изолятора» и не должна быть закрытой системой. Это самое «феноменологическое» переживание границы не имеет анатомических коррелятов (частей тела), но берет на себя функцию перехода между пространством тела и среды. Некоторые исследователи полагали, что феноменологические границы тела — это итог комплексного восприятия, где сопряжены несколько видов чувственности, где границей физического тела можно считать видимый и осязаемый кожный покров (поверхность кожи, с точки зрения анатомии), а границей «невидимого», внутреннего тела можно назвать архитектуру рецепторов (чувствительность кожи, ее шероховатость), при этом феноменологическая модель дает нам понимание телесности, как интердисциплинарного, многогранного объекта, изучение которого невозможно с помощью лишь одной феноменологии или любой другой парадигмы.

Исследованиями телесности в рамках феноменологического подхода занимались многие ученые, но более всего стоит отметить учения Э. Гуссерля и М. Мерло-Понти. Изначально стоит упомянуть, что именно немецкий язык, на лексическом уровне, способен различать понятие «тело как объект» и «физическое тело», что во многом определило направление развитие антропологического принципа немецкой философии. Философия А. Шопенгауэра и Л. Фейербаха основывается на центральном понятии тела (Л. Фейербах отвергает трактовку человека как духовного существа, как и картезианское «Мыслю, следовательно, существую», но признает лишь человека как единство тела и души), Т. Липпе используя эмпатическую теорию, обращает внимание на понимание живого тела, где данный концепт отражается в работах Э. Гуссерля, при освоении им интерсубъективной проблематики. В большей степени именно Э. Гуссерль



показал, что такие феномены, как живое тело (Leib) и объективное тело (Körper) являются различными понятиями и, далее, отводит им центральное место в своей философии.

Э. Гуссерль тоже раскрывает позицию тела как органа восприятия, которое опосредует опыт пространственно-вещных объектов методом «прикосновений». В качестве основного постулата он выдвигает теорию о пространственно-постигаемом материально-физическом теле, «теле-вещи». Например, Э. Гуссерль, констатирует тот факт, что благодаря тактильности мы имеем возможность ощупывать свою левую руку и иметь о ней представление, при этом объективируются эти знания нашей правой рукой. По мнению Э. Гуссерля, «все вызванные собственными прикасаниями ощущения имеют свою «локализацию» и имеют отличия лишь феноменально»<sup>42</sup>. К пример достаточно привести цитату Э. Гуссерля: «Тело конституируется, таким образом, изначально двояким способом: с одной стороны, она есть физическая вещь, материя, она имеет свою протяженность (Extension), куда входят его реальные свойства — цвет, гладкость, жесткость, теплота и все то, что также можно отнести к материальным свойствам; с другой стороны, я обнаруживаю на нем, я ощущаю «на» нем и «в» нем: тепло на тыльной стороне рук, холод в ногах, ощущение касания на кончиках пальцев. Я ощущаю распространенные за пределы телесной поверхности гнет и движение одежд; шевеля пальцами, я получаю ощущения движения, которые, распространяясь, лишь пробегают по самой поверхности пальцев, однако в этом комплексе ощущений имеется такое состояние, которое локализуется во внутреннем пространстве пальца. Рука лежит на столе. Я воспринимаю стол как твердый, холодный, гладкий. Передвигая руку по столу, я исследую стол и его вещественные характеристики.... Таким образом, мое тело, вступая в физическую взаимосвязь (удар, толчок, нажим и так далее) с другими материальными телами, доставляет не только опыт физических процессов, связанных с телом и вещами, но также (опыт) специфических телесных процессов, которые мы называем чувствами

---

<sup>42</sup> Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в филос. антропологию. С. 5.

(Empfindnissen). Этих процессов не достает «чисто» материальным вещам»<sup>43</sup>. Получается, что по Э. Гуссерлю, тело *со-дано*, так как тело является органом восприятия, осуществляя одновременно опыт субъекта. Э. Гуссерль определял смысловое содержание тела и телесности как способа восприятия материального физического тела<sup>44 45</sup>.

Как можно убедиться из основных постулатов Э. Гуссерля, феноменологическая модель усиливает и в некотором роде абсолютизирует субъективное, духовное «начало» в человеке отводя пассивную роль телу в качестве источника лишь тактильного «начала». Но, есть и другая точка зрения, которая продвигалась в феноменологической экзистенциальной философии позднее М. Мерло-Понти, который много времени посвятил работам над неопубликованными трудами Э. Гуссерля. М. Мерло-Понти наоборот превозносит тело в Абсолют и наделяет телесное начало в человеке универсальными характеристиками, говоря о том, что телесность есть смыслопорождающая трансцендентальная форма мира<sup>46</sup>, обнаруживает свою альтернативу. Французский философ, в своих работах, оперировал также опытом гештальтпсихологии, базируя свои умозаключения на основе работ К. Коффки, А. Гельба, К. Гольдштейна.

Итак, данная концепция дает представление о том, что тело, как таковое, само описывает границы своих возможностей и при этом является неотъемлемой частью познания мира вокруг себя через свои же проекции. М. Мерло-Понти описывает взаимодействие субъекта с миром вещей через мир с точки зрения чувственности, посредством которой реализуются первичные когнитивные способности субъекта. Под влиянием гештальтпсихологии, экзистенциализма и феноменологической философии М. Мерло-Понти принимает окончательную искомую истину, в которой первоначальным этапом мышления человека является восприятие в чувственной среде и духовных интеракциях. Важным фактором является

---

<sup>43</sup>Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1999. С. 53.

<sup>44</sup>Гуссерль Э. Феноменология / Предисл., пер. и примеч. В. И. Молчанова // Логос. 1991. № 1. С. 14–16.

<sup>45</sup>Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. С. 55.

<sup>46</sup>Цветус-Сальхова Т.Э. К определению понятий «тело» и «телесность» / Т.Э. Цветус-Сальхова // Профессиональное образование в современном мире. 2012. №2(5). С. 105.

первичность восприятия, его примат, который, по мнению М. Мерло-Понти, конструирует фундамент «знания»<sup>47</sup>. Важным вкладом в изучение телесности М. Мерло-Понти является его сопряжение вопросов телесности с психическим началом, посредством изучения телесного и духовного. Стоит отметить, что в концепции М. Мерло-Понти тело – есть «способность видения и движения», где тело видит себя в процессе видения и осязает самого себя (своего рода самосознание). Мерло-Понти указывает на сплетение телесности с предметно-природным миром, являя собою связь между собой и миром.

Итак, ключевым для феноменологических исследований является чувственное познание, которое опирается на понятия «внешнего» и «внутреннего» тела (Э. Гуссерль), и при этом телесность взаимодействует с миром посредством чувственности объекта, в рамках которого реализуются первичные когнитивные способности (М. Мерло-Понти). Основной же идеей большинства феноменологов является примат восприятия, который фундирует любое знание, т.е. через восприятие конструируется миропонимание, культура, наука и т.д. В понимании многих авторов (Ж. - П. Сартр, В. А. Подорога) плоть актуализируется в функциональных характеристиках (взгляд, касание), а не в анатомических. В плане разработки объекта и предмета данного исследования феноменологический подход в исследовании телесности не является первоочередным, так как, несмотря на специфичность совокупности знаний философии, психологии, биоэтики и т.д. феноменология опирается на чувственное познание человека, не выделяя конкретных дефиниций тела и телесности, а лишь используя неопределённые понятия, указывая на первоочередную функцию тела (касательную, чувственную). В феноменологии фокус исследования происходит над телом и плотью, и в рамках данного дискурса Э. Гуссерль полагал, что тело – это автоматическое образование, совпадающее с физическим телом, а плоть – высокоорганизованное, чувственное, психофизическое тело. Э. Гуссерль считал интенциональным оживлением превращение тела мира в плоть, создающего некую духовную единицу. У М. Мерло-Понти плоть – это духовная картина мира и тела, цикл связей между

---

<sup>47</sup>Мерло-Понти М. Рабочие записи // пер. с франц. О.Н. Шпарага. Мн.: Логвинов, 2006. С. 400.

индивидом и его окружением. Таким образом у постмодернистов значение термина *плоть* является совокупностью факторов психофизического, эмоционального, философского свойства, которым можно было бы обозначить телесность. Примат восприятия соотносится с понятиями тела-канона, если говорить о типизации телесности, у В. А. Подороги: «Рождение и закрепление тела-канона в качестве исторической телесной нормы (этической, сексуальной, анатомической, социальной и политической) находится в зависимости прежде всего от тела, которое познано, от тела-знания»<sup>48</sup>, то есть другим словами можно сказать, что тело-канон закреплено и изначально вплетено в социальную и культурную среду и детерминировано исторически. Еще одна цитата В. А. Подороги гласит, «...я могу обладать своим телом лишь при условии, что оно будет соотнесено в образах внутреннего переживания с идеальным телом Другого, телом-канон»<sup>49</sup>. Диаметральную оппозицию в контексте телесности «норма» / «не норма» тогда можно интерпретировать как то, что попадает в скобки автономии «историзма» телесной нормы, выйдя за рамки, нормативной группы которой можно попасть в разряд «ненормированного», «иного», «чужого». В феноменологической парадигме получается, что отличие от нормы телесности можно воспринимать лишь на границе внутреннего и внешнего (в соотношении себя с Другим), в интеракции разных социокультурных полей, мироощущений, который и ведет к классификации, «нормализации», перетекая в практику «включения» в группу либо «исключения» из нее.

Акт идентификации телесного бытия происходит на уровне метаморфозы зеркальности собственного восприятия, по мнению большинства феноменологов. Инаковость по отношению к тождественному желанию примкнуть к идеалу телесного опыта ведет к традиции визуалистики восприятия М. Мерло-Понти или Ж.-П. Сартра. И идентификация в этом случае понимается уже как попытка символически присвоить себе, своему телу, отношение к Другому: «Пытаясь поглотить Другого, я тем не менее не перестаю утверждать Другого... Отправляясь

---

<sup>48</sup>Подорога В.А. Полное и рассеченное. Психология телесности между душой и телом. С. 115.

<sup>49</sup> Подорога В.А. Феноменология тела: Введение в филос. антропологию. С. 22.

от конкретного, выстраданного, прочувственного опыта Другого, я хочу вобрать в себя этого конкретного Другого как абсолютную реальность, в его инаковости... Я вовсе не намерен разрушить собственную объективность путем объективизации Другого, что было бы равносильно избавлению меня от моего бытия-для-другого; как раз наоборот, я хочу ассимилировать Другого как глядящего-на-меня-другого, в и такой проект ассимиляции входит составной частью возросшее признание моего бытия-под-взглядом-другого»<sup>50</sup>.

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что феноменологический подход акцентирует свое внимание на чувственных вопросах телесности и рассматривает опыт вне рационального опосредования, интерпретируя тело как горизонта человеческого опыта, который перманентно существует<sup>51</sup>. Отличительным моментом является тот факт, что в процессе осмысления телесного опыта, феноменологическая составляющая научного познания не предоставляет возможности учитывать такой важный аспект, как социальные интеракции, тем самым понятие телесного с позиции «нормы» / «не нормы» можно интерпретировать только как акт самоидентификации через соотношение себя с абстрактным Другим. Категория инаковости в отношении телесности может быть интерпретирована в данном случае только как общее понятие, которое выступает на границах индивидуальной формы бытия через соотношение себя с Другим, но при этом, не учитывая коммуникативные аспекты социокультурного пространства, формирующие само представление о Другом. Императив Другого вкладывает в социальную группу элемент непохожести, несхожести с основной массой социума, однако не объясняет, как возможна интеграция отличных от нормы людей в состоянии принятия себя и Другого. Именно социально-психологические, инкультурационные практики исключения индивида по телесному признаку можно найти в социокультурной методологии.

---

<sup>50</sup>Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 207–209.

<sup>51</sup>Муха О. Я. Тело, плоть, телесность: к методологии определения понятий // Вестник ВолГУ. 2010. Серия 9. Вып. 8. Ч. 1. С. 14.

*Социокультурная методология исследования телесности* позволяет применить социологическое мышление, вместе с понимающей социологией М. Вебера, символическим интеракционизмом, философией культуры в междисциплинарном понимании смыслов социальных явлений, в том числе и в отношении телесного.

Несмотря на актуальность тематики соматизации в философии, вопрос проработки аксиологического аспекта человеческого тела остается открытым и до настоящего времени. Множество трактатов, исследований были посвящены проработке философского, антропологического, феноменологического, физического плана телесности (психосоматика, физиология, медицина и т.д.). Концепции складывались на фоне эпох и культур, в которых телесность имела свое упорядоченное отражение. Традиционный вопрос для естественно-научного и гуманитарного знания оставался же на протяжении столетий неизменным – человеческое тело рассматривалось в свете соотношения духа и тела человека («О душе» Аристотеля, «Письма к Луцилию» Сенеки, «Феномен человека» Пьера Тейяра де Шардена и т.д.), характерной онтологии человеческого тела. Значительное место в философии занимает и гносеологическое учение о человеческом теле, как о сосуде сосредоточия чувств и основного источника ощущений. Но осмысление человеком самого себя, соматическая рефлексия, на данном этапе развития является более актуальной в свете конкретного исторического процесса, который включает в себя накопленный духовный опыт, медицинские знания о теле человека, социальную память и концепции самоопределения.

Тем не менее, вышеуказанные учения о телесности человека, не отменяют того факта, что в философском знании могут иметься некоторые пробелы касательно вопросов изучения телесности на стыке не только естественно-научных направлений, но и гуманитарных знаний, охватывающих весь спектр телесности – структуру, функции феномена телесности, причины возникновения и поиск/анализ смысла, ценностных характеристик человека в нынешнем знаково-культурном социуме. Если принимать в качестве условия, что телесность все-таки является

феноменом (по П. Т. де Шардену, усложнение материальных форм параллельно с развитием психики и сознания<sup>52</sup>), то любой феномен, по мнению И. М. Быховской должен быть вплетенным в социальную жизнь, а человеческое тело не может быть рассмотрено без учета аксиологического аспекта<sup>53</sup>.

Немецкие романтики полагали, что тело – это символ души, а природа, в свою очередь, – символическое выражение душевно-духовных процессов, исследованием и осознанием которой должен заниматься трансцендентальный идеализм (Ф. Шеллинг, К. Г. Карус, Г. Стеффанс и другие). Г. Гегель рассматривал тело, как органическую целостность, в котором существует единство идеи и духа, и вне зависимости от природы и социальных явлений «дух воплощает себя в теле»<sup>54</sup>. По мнению И. М. Быховской, несмотря на обилие работ, связанных с культурой человека и его интеллектуальными, духовными атрибутами, телесные факторы (опять же со стороны социокультурного анализа) оставались в тени либо преподносились в качестве нейтральных, по отношению к истинной культуре, как природное, «вне-культурное» основание доминирования человеческого над природным началом<sup>55</sup>. Отмечается, что при обращении к изучению телесности, в разрезе культуры, имеется определенный пробел в знаниях: «Анализ сложившейся здесь структуры, направлений, содержания исследований показывает почти полное «исчезновение» человека телесного из контекста этой научной сферы. Конечно, это не состояние «абсолютного нуля», однако фактом является то, что фрагментарные обращения отдельных исследователей к этому аспекту человекознания (в отечественной науке - изредка, в зарубежной - более широко) не привели пока к конструированию такого исследовательского направления, как социокультурный анализ человеческой телесности»<sup>56</sup>.

---

<sup>52</sup>Шарден де П. Т. Феномен человека / пер. О.С. Вайнера, Н.А. Садовского. М.: АСТ, 2012. С. 52-55.

<sup>53</sup>Быховская И.М. *Nomosomatikos* : аксиология человек. тела // Рос.акад. наук, М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 115.

<sup>54</sup>Гегель Г.В. Ф. Сочинения. Том 1. Энциклопедия философских наук. Часть 1. Логика. // Москва - Ленинград: Госиздат, 1929. С. 176.

<sup>55</sup>Быховская И.М. Телесность человека как объект социокультурного анализа: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: 17.00.08 / Быховская Ирина Марковна. Москва, 1992. С. 129.

<sup>56</sup>Быховская И.М. Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы ее анализа) // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: Ежегодник. М., 1993. С. 58 –59.

Предопределяя вопросы касательно проработки социокультурного анализа телесности другими авторами следует упомянуть, что данная проблема освящалась или затрагивалась в исследованиях М. М. Бахтина (история культуры), А.Ф. Лосева (история философии, история эстетической мысли), С.С. Аверинцева (история искусства), И.С. Кона (антропология, психология и сексология), П. С. Гуревича (философская антропология, вопросы тела и души) и т.д.

Социокультурное изучение телесного аспекта поднимается в работах М. М. Бахтина: «Изучение культуры, необходимо должно включать анализ проблемы «тела как ценности», проблемы, которая «строго отграничивается от естественно-научной точки зрения: от биологической проблемы организма, психофизиологической проблемы отношения психологического и телесного и от соответствующих натурфилософских проблем... И этот постулат социокультурного развития в изучении человеческого тела еще не получил должного развития»<sup>57</sup>. Значительный вклад в понимание телесности, в историко-культурный анализ формирования личности в контексте сексологии внес И. С. Кон<sup>58</sup>.

Наконец, стоит упомянуть исследования в области психологии, которые являются наиболее близкими к социокультурному анализу. Хотя данный вид и не является традиционным направлением исследования в философии, но, непосредственно, раскрывает процесс формирования имиджа человека посредством репрезентации определенных манер, качеств, элементов одежды или тела<sup>59 60</sup>.

Н. А. Бугуева и Л.П. Киященко полагают, что при всем своем многообразии, телесность, в большинстве исследований, предстает перед нами именно как социокультурный феномен, вписанный в рамки бытия, о чем свидетельствуют следующие внешние факторы, которые возникли повсеместно в современном мире:

---

<sup>57</sup>Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 44.

<sup>58</sup>Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1989. С. 44.

<sup>59</sup>Столин В.В. Самосознание личности // М.: Издательство Московского Университета, 1983. С. 110 –115.

<sup>60</sup>Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: МГУ Москва, 1989. С. 44–60.



- обострение проблем, связанных со здоровьем, психические расстройства. Наркотические и алкоголические зависимости, возникающими в процессе урбанизации;

- повышение уровня самовыражения человека и ценность человеческой индивидуализации, связанный, прежде всего, с ростом демократии;

- проблематика сексуального поведения и эротизм, который внедряется посредством средств массовой информации, рекламы;

- репродуктивные технологии, аборты, трансплантация органов и медикализация человеческой телесности в полном ее смысле;

- телесность приобретает символическую ценность и является носителем смысла в условиях современной цивилизации, появление новых социальных групп: инвалиды, сексуальные меньшинства, панки и т.д., пытающиеся утверждать свой статус с помощью внешней атрибутики.

Вследствие того, что «человеческое тело, помимо действия общих законов жизни, подвержено влиянию закономерностей социальной жизни, которые... существенно модифицируют их проявление»<sup>61</sup>. При этом можно сделать вывод о том, что суть телесности не заключается лишь в физическом теле: «Включая его в себя, как бы в качестве своего ядра, телесность человека охватывает большее пространство...одновременно в этом пространстве может существовать прошлое, настоящее и будущее человека»<sup>62</sup>.

В данном исследовании, опираясь на определение И. М. Быховской, телесность рассматривается «как преобразованное под влиянием социальных и культурных факторов тело человека, обладающее социокультурными значениями и смыслами и воплощающее определенные социокультурные функции»<sup>63</sup>.

По А. Ф. Лосеву тело является объектом естествознания, которое сопряжено с влиянием социальной жизни на него, модифицирующее его (таким образом

---

<sup>61</sup>Бугуева Н.А. Телесность человека как социокультурный феномен // Вестн.Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология, 2007. № 16 (94). С. 67.

<sup>62</sup> Киященко Л. П. О границах телесности человека // Телесность человека: междисциплинарные исследования / под ред. В.В. Николаевой, П.Д. Тищенко. М.: Издательство Философского общества, 1991. С. 7.

<sup>63</sup> Быховская И.М. Телесность как социокультурный феномен. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt109.html> (дата обращения: 16.12.2016).

социум детерминирует тело). Так, по мнению И. М. Быховской, в настоящее время имеет ярко-выраженную противопоставленность «человека телесного» и «человека духовного» в рамках социализации (в семье, системе образования и воспитания), которые закрепляют какую-либо традицию. Понимание тела, как социокультурного объекта (что в виду предмета данного исследования является немаловажным) дает основу понимания того, что телесность есть объект, наделенный социокультурными и общественными смыслами, и который претерпевает изменения согласно общественному воздействию или под влиянием культурных факторов. При этом телесность как социальный объект действия тоже может преобразовывать окружающий мир (по мнению И. М. Быховская, А. Ф. Лосева, Н. А. Бугуева и прочих). Телесность, «однозначно, вписывает человека в мир природы и культуры, и вместе с этим она приобретает специфические черты, благодаря которым включается в социокультурную реальность»<sup>64</sup>.

К примеру, в некоторых частях Африки (Судан, Египет, Сомали и прочих) до сих пор производится женская кастрация, вне медицинских предписаний, а именно как элемент ритуальной практики. Согласно данному «обычаю», женская кастрация является социальной «нормой» и для того, чтобы подготовить девочку к взрослению и последующему деторождению, неотъемлемым фактором является наличие у нее кастрированных половых органов. При этом, после кастрации, девочку нарекают «чистой», придавая определенный символический смысл совершенному акту, и тем самым, включая ее в свое сообщество и культуру (зачастую данная практика проводится также и с целью защиты от социального исключения и порицания).

Социокультурное понимание объекта исследования выводит проблематику «тела» и «телесности», в качестве двух категориально разных понятий. И. М. Быховская считает, что тело не тождественно *телесности*, которое «не существо человека как такового, а ее превращенное состояние, которое возникает

---

<sup>64</sup>Суворова О. С. Телесность человека как основа его жизни и единства с природой. URL: <http://www.philosophy.nsc.ru/disc/iphras/library/wbiof0.html> (дата обращения: 04.11.2017).

не на смену естественному пониманию, а в результате культурного бытия человека телесного»<sup>65</sup>. Принцип междисциплинарной кооперации (в добавление к феноменологической модификации телесности) применяется многими учеными также и при детерминации понятия «тело», к которому относится феномен человеческой телесности в его социокультурном измерении. И. М. Быховская, в своей монографии, опирается на изучение тела И. С. Коном, советского и российского социолога, психолога, антрополога, философа и сексолога, заложившего основы современной российской социологической школы.

И. С. Кон считал, что тело человека приобретает разные уровни бытия, связывая соответствующие системы воедино и модифицируясь в разных ипостасях<sup>66</sup>. В связи с тем, что ученый анализировал понятие тела с точки зрения феномена, встроенного в систему социальных связей, а также выявлял уровни различия простой и продвинутой общественных систем, И. С. Кон предложил свою трактовку понятия «тела»:

- «Природное тело» – биологическое тело индивида, подчиняющееся законам мироздания и функционирования живого организма.
- «Социальное тело» – репрезентует взаимодействие индивида с социальной средой. Может одновременно служить производной от целенаправленных влияний на тело социальными институтами, а также быть подвергаться спонтанному влиянию.
- «Культурное тело» – продукт культуросообразного влияния и использования телесности человека. Является «квинтэссенцией» двух предыдущих формирований; завершает переход от природно-телесных предпосылок к духовному и личностному бытию тела человека.

Понятие «культурного» тела является при этом своеобразной квинтэссенцией, замыкающей на себе определение тела в социокультурном пространстве, как целевой ориентир в изучении телесной культуры.

---

<sup>65</sup>Быховская И.М. Телесность человека как объект социокультурного анализа: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: 17.00.08 / Быховская Ирина Марковна. Москва, 1992. С. 106.

<sup>66</sup>Кон И.С. Введение в сексологию. С. 68.

Культуросообразность обращает нас к проблематике телесной культуры: чем она является, в чем особенности формирования человека телесного в аспекте культуры и т.д.

Понимание места человека в мире, смысл его существования, «привнесенного» в социум, потенциальных возможностей – есть целый комплекс проблем, связанных с философским осмыслением особенности представлений о той же телесности, которая влияет на формирование ценностей и идеалов, а также ориентаций и потребностей человека в социуме.

Понимание тела как социокультурного объекта, как продукта социального взаимодействия, прежде всего, способно открыть перед нами перспективу исследования телесности в контексте экспликаций тела, которые ярко выражаются в культурном поле посредством конкретных инструментов. Вопрос ненормированной телесности поднимался Е. Р. Ярской-Смирновой, согласно которой структурирование современной реальности (в отношении «нормы» / «не нормы» тела) происходит на уровне междисциплинарных интеракций между людьми в процессе взаимодействия лицом-к-лицу, что можно проследить на основе эмпирических данных, отчетов, анализов, статистики и т.д. Рефлексию подобного рода можно проследить в ритуалах, правилах поведения и через любые акты символизации, в процессе которых происходит социальная интеракция<sup>67</sup>.

«Отсюда следует, что ритуальные практики сепарации, очищения, маркировки и наказания имеют в качестве своей главной функции наложение системы на изначально «нечистый» опыт. Согласно этой версии, начальное распознавание нетипичности как аномалии ведет к беспокойству, страху потери целостности и отсюда к подавлению или избеганию: чем дальше, тем лучше», – по мнению Е. Р. Ярской-Смирновой<sup>68</sup>. Защитным механизмом культуры, в данном случае, тогда будет выступать выставление определенных образцов подражания, идеалов каждого микросоциума для поддержания «чистоты» иерархичности.

---

<sup>67</sup>Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности Информационный бюллетень РФФИ, 5 (1997) НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ, Саратовский государственный технический университет (СарГТУ) 1997. С. 15.

<sup>68</sup>Там же. С. 16.

Нормы (поведения, телесных аспектов, выражений и т.д.) в данном случае предохраняют культуру от вмешательств и разрушения – особенно это характерно для «закрытых», автономных и архаичных культур. Таким образом, получается, что фрейминг происходит через символическое предписание «нормированности», которое можно проследить в литературе, киноиндустрии, художественных произведениях и т.д. Выливается данный аспект в социальную депривацию меньшинства от мейнстрима, в культурную изоляцию нетипичного. Теория социального влияния по Б. Рэйвену показывает другой вариант развития взаимоотношения социума и нетипичного меньшинства (если говорить о дискриминируемой по телесному признаку субкультуре), в рамках которого меньшинство тоже оказывает влияние на социум в сопровождении глубоких сдвигов в системе аттитюдов и мнений<sup>69</sup>. Общество при этом способно, при должном старании со стороны властных структур, нивелировать различия между «ненормированным» представлением о чем-либо и способствовать большей проницаемости символических границ типизации<sup>70</sup>.

По мнению автора диссертационного исследования, *телесность* является интегративным понятием для обозначения базовых биологических, социальных и культурных составляющих личности, которые формируются посредством и благодаря социальным коммуникациям. При этом, символическая составляющая образов и языковой конъюнктуры помогают социуму осмыслить телесность в контексте «свой»/ «чужой», «норма»/ «не норма» в совокупности всех социальных, культурных, философских и аксиологических характеристик.

Анализ социокультурных концепций показал, что физическое состояние человека, его телесная сущность, ставится в прямую зависимость от отношения общества к телу. Императив полного, здорового, цельного, либо наоборот больного тела, накладывает на человека определенные ярлыки как в сфере культурного, так

---

<sup>69</sup>French J.R., Raven B.H. The Bases of social power. Studies in social power. Vol. 6. New York, 1972. P. 155 – 160.

<sup>70</sup>Якимова Е.В. Социальные представления: теория, критика, практика (сводный реферат) // Рос. журн. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. 1995. Серия 11. N 4. Социология. С. 82.

и социального аспекта деятельности. Стигматизация фигуры больного тела происходит благодаря тому, что сам процесс выстраивания взаимоотношений внутри общества естественным образом социально-сконструирован на основе бинарной оппозиции «нормы» / «не нормы».

Таким образом, резюмируя вышеперечисленные философские подходы в изучении понятия «нормы» / «не нормы» тела, можно прийти к следующим выводам:

1) Телесность является отражением культурных, нравственных, идеологических паттернов (опять же с помощью модуляции образных экспликаций и языкового базиса), выражение которых можно проследить в ретроспективном анализе культурных практик «нормированной» телесности.

2) Трансцендентальный поход в процессе самоидентификации личности через соотношение себя с Другим происходит на уровне сравнения с заложенными паттернами, которые служат для универсализации знаний о мире, знание о котором дает феноменологический и антропологический подходы. Понятие «другости», «инаковости», «чужого» уже начинает подниматься в философском дискурсе на примере сравнения границ собственного познания «с зеркалом мироздания» в рамках самоопределяющей парадигмы.

3) Структурирование мира невозможно без типизации окружающих предметов, в том числе и телесного аспекта через категории «нормы» / «не нормы», что служит своеобразной защитой культуры от внешних аспектов, а, так как, телесность является неотъемлемой ее частью, то и форма нетипичного тела служит своего рода идентификатором, отражающим факт маргинализации по телесному признаку.

4) Понимание типизации телесности возможно в контексте социальных инструментов культуры (актов наррации, дискурсивных практиках отождествления, образных экспликаций), которые отражают социальные атрибуты «нормы», чье значение активно развивается в рамках социокультурной парадигмы философской мысли. При этом, в рамках данной направленности, остается открытым вопрос касательно того, как именно конструируется представление о

типичном и нетипичном теле, об инаковости как варианте отчуждения. Несомненно, весомым вкладом в современную отечественную социологическую науку являются работы А. Шюца, Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова, позволяющие определить, что в современном социокультурном пространстве действительно существует проблема фрейминга, прослеживаемая в литературе, киноиндустрии. Но вопрос культурной изоляции нетипичного тела, как проявления «не нормы», не рассматривался данными авторами с позиции формирования значений в отношении данного объекта.

5) Наличие бинарности в сопоставлении таких культурно-социальных парадигм мышления как «норма» и «не норма» телесных практик является базовой, имманентной категорией, в основе которой лежит символическое опосредование мыслительных процессов. Бинарная оппозиция «нормы» / «не нормы» тела признается в качестве базовой конструкции нетипичного тела, позволяющей социуму регулировать стандартные установки «свой» / «чужой».

## **1.2 Нетипичная телесность личности как социальный конструкт**

Актуальность исследования понятия «нормы» / «не нормы» в телесных практиках начала возрастать ближе к XX столетию в связи с повышенным вниманием общественных и философских наук к проблемам интеграции человека в сам социум, в культуру. Проблема отклонения от «нормы» восприятия, как отсутствие упорядоченности, постепенно приводила к дискуссии касательно неравенства, нетождественности, чужеродности. Постепенный переход от классического абстрактного размышления о человеческом теле как герменевтическом представлении идеального и цельного Божества к индивидуализированным, частным практикам размышления обосновывает факт наличия проблемы предписаний и установок относительно телесного уровня мышления.

Вследствие установленных концептуальных различий и, одновременного, единства философских направлений в рассмотрении «нормы» / «не нормы»

телесности, было выявлено, что атипичная телесность раскрывается в качестве социальной конструкции. Подобный взгляд на проблематику берет свое начало в феноменологии М. Хайдеггера и Э. Гуссерля, фундируя социальную составляющую работами П. Бергера и А. Шюца и привносит теоретические аспекты культуроцентризма М. Фуко через направление социального конструкционизма.

Говоря о бинарной оппозиции «нормы» / «не нормы» в контексте телесного мы опираемся на идеи А. Шюца<sup>71</sup>, утверждавшего, что конструкты здравого смысла имеют типизацию по своему социальному происхождению и, соответственно, санкционированы социумом для универсализации знаний и представлений (о теле, например). На основе подобных типических конструктов можно провести институализацию стандартов, поддерживаемых в разнообразных формах символизации обществом разных культурных аспектов.

П. Бергер и Т. Лукман<sup>72</sup> полагали, что индивидуумы и целые общности людей принимают активное участие в самостоятельном создании воспринимаемой ими социальной реальности. Авторами, относящими себя к социальным конструкционистам, являлись К. Герген, Н. Роуз, Т. Сарбин, Й. Паркер, Г. Херманс, Э. Берман, Дж. Батлер (феминистская философия), И. Ф. Келлер и т.д.

Зачатки социального конструкционизма следует искать в феноменологической философии М. Хайдеггера и Э. Гуссерля, как в сплетении чувственно-пространственных ориентаций познания телесности. Основы социологического аспекта в работы П. Бергера заложил австрийский социолог и философ А. Шюц. Неотъемлемый вклад в развитие социальной мысли конструкционизма реальности (также в отношении телесного феномена) внес французский философ, теоретик культуры Мишель Фуко. Так, М. Фуко, концептуально подошел к рассмотрению отношения к человеческому телу как к объекту наказания<sup>73</sup> и посредством описания истории развития тюремного

---

<sup>71</sup>Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. N 2. С. 132 –134.

<sup>72</sup>Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 110 –115.

<sup>73</sup>Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: AdMarginem, 1999. С. 115.



заклучения и насилия над телом он показал саму эволюцию становления политических технологий западного сообщества на стыке перехода от феодализма к современности. М. Фуко передал саму суть социальной природы наказания и сформировал идею, что наказание от телесного аспекта переместилось в пространство наказания «души» (что в тридцатые годы XIX века произошло смещение парадигмы из области публичного наказания в область рационально-расчетливого отношения к телу). Также М. Фуко уделял особое внимание формированию гендерного и сексуального аспекта телесности в основе дискурса о современной семье, обращаясь к античному обществу и проблематизируя собственное сексуальное поведение посредством этических размышлений на эту тему<sup>74</sup>.

Внутри самого направления также формируются собственные течения. Умеренный конструкционизм (американский философ Д. Р. Сёрл) предполагает, что анализ структуры институциональных факторов свидетельствует об их логической зависимости от грубых фактов<sup>75</sup>. Либеральный же конструкционизм, представленный работами немецкого философа Ю. Хабермаса, концентрируется на теории коммуникативного действия, предполагая, что критика логоцентризма является искажением рациональности, которая присуща повседневной коммуникации. Ю. Хабермас изучал процесс коммуникации субъектов через призму естественного языка, который должен рассматриваться в строгой связи с культурой. Философ, опираясь на трактовку М. Вебера, разделял разум на три аспекта, согласно которым культура и ее различные проблемы должны быть рассмотрены дифференцированно – с перспективы истины, красоты и «правильности» (т.е. с вопросов понятия познания, вкуса и справедливости)<sup>76</sup>.

Тем не менее, все течения социального конструкционизма, так или иначе, опираются на феноменологическую составляющую, в том числе и на феноменологию телесного. Социальный уровень тела диктуется

---

<sup>74</sup>Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Киев: Дух и Литера, 1998. Т. 3. С. 105.

<sup>75</sup>John Searle. The Construction of Social Reality. New York: Free Press, 1995. P. 56.

<sup>76</sup>Фурс В. Н. Философия незавершённого модерна Юргена Хабермаса. Мн.: ЗАО «Экономпресс», 2000. С. 49–56.

взаимоотношением между внутренним и внешним телесным аспектом: «Внутреннее тело – мое тело как момент моего самосознания – представляет собой совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединённых вокруг внутреннего мира»<sup>77</sup>. Феномен Другого играет немаловажную роль в процессе интериоризации опыта в пространстве коммуникации, инкорпорируя определенную социальную структуру. С позиции социального контроля возникают вопросы дисциплинарной ритуализации, которые предлагают индивиду «нормальные» типы (по Э. Дюркгейму<sup>78</sup>) универсумов, которым придерживаются целые группы населения. В данном случае девиацией может выступать любое отклонение от нормы, не входящее в предписанный социумом конструкт: «Группа, объективировавшая эту девиантную реальность, становится носителем альтернативного определения реальности»<sup>79</sup>.

В отечественной же философской мысли практически отсутствуют работы, посвященные исследованиям социальных феноменов с точки зрения социального конструкционизма и способам социального конструирования понятия «нормы» / «не нормы» телесного. Отдельно следует подчеркнуть, что в большинстве работ, посвященных теме социальных конструкций, не дается конкретных различий между социальным конструкционизмом и социальным конструктивизмом, что влечет за собой проблему отсутствия опыта применения данного подхода к конкретным объектам исследований. Среди трудов российских исследователей следует отметить работы, посвященные изучению влияния социального конструкционизма на общественные проблемы – Е. Дьяковой, А. Темкиной, П. П. Мейлахса, Е. Р. Ярской-Смирновой. Несмотря на существенную близость таких понятий как социальный конструкционизм и конструктивизм, в данной работе мы будем исходить из более узкого, по мнению Е. О. Труфановой, понятия – конструкционизма, который отличается, прежде всего, уточнением объекта исследования<sup>80</sup>. Возникающие в современную эпоху проблемы

---

<sup>77</sup>Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 158.

<sup>78</sup>Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 97 –98.

<sup>79</sup>Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 174.

<sup>80</sup>Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. С. 64.

самоидентификации личности в информационном пространстве нередко следует рассматривать уже именно с позиции социального конструкционизма в силу того, что именно он имеет дело с современными проблемами человечества, отличительной чертой же является наличие свободы в плане ретроспективного анализа любого объекта исследования (будь то изучение предмета времен Возрождения либо в современную эпоху), в отличие от классических подходов. Также, социальный конструкционизм можно отнести к особому рода теории познания, фокусирующейся на том, как именно формируется то или иное значение, с помощью которого происходит описание мира.

Основной отличительной чертой социального конструкционизма от конструктивизма является утверждение о том, что система социальных коммуникаций является основной конструирующей силой (в отличие от индивида, по мнению конструктивистов). В частности, Е. О. Труфанова, в своей работе, отметила факт наличия определенных механизмов, позволяющих обществу конструировать реальность – подобными способами были обозначены дискурс, язык, культурно-исторические практики и социальные интеракции. Единственной отличительной чертой у Е. О. Труфановой является отсутствие упоминания об образных знаковых системах, которые будут рассмотрены нами далее, как одно из условий для конструирования атипичной телесности.

В данном случае, опираясь на концепцию Е. О. Труфановой, полагающей, что социальная конструкция - *это продукт определенной культуры и что внутри данного социума наличествует определенная «договоренность»*, конкретизирующая правила отношения к конкретному объекту, можно прийти к выводу, что телесные практики проходят стадию «типизации» через социальные конструкции «образцов подражания», которые воздвигаются социумом через призму «типичности», «идеализации». Поэтому тело, благодаря включению языковых практик, образных конструкторов предстает перед нами как часть интерсубъективной реальности, которая конструируется социальными «нормами», стереотипами.

Описывая данную концепцию, можно заметить, что в самом широком смысле все то, что обозначено человеком в языке, уже одним этим фактом является социально сконструированным, ибо социум уже приписывает этому объекту уже какое-то значение, выражая свое отношение к нему<sup>81</sup>. Автор объясняет социальную конструкцию как «продукт определенной культуры или общества, существующий исключительно в силу того, что члены данного социума или социальной группы согласны считать его реально существующим или согласны следовать по отношению к нему определенным правилам»<sup>82</sup>. Т.е. любой объект, становясь объектом культуры, изначально наделяется определенным культурным смыслом и принимает участие в социальных интеракциях. Происходит типизация форм телесного бытия согласно рамкам или определенным конструктам социума, которые очерчивают когнитивные границы, относительные для каждого отдельного социума.

Итак, *определив телесность как социальную конструкцию*, которая имеет собственную «норму», выражающуюся в различных символических формах мышления человека в конкретно-заданном историческом периоде, следует далее раскрыть сами типы социального конструирования реальности.

Методология социального конструкционизма позволяет раскрыть такие понятия как культурная диффузия на стыке социальных и культурных пластов в рамках инкультурации как в отношении образов, так и в отношении языковых конструкций, описывающих телесность. Развитие идей об описательном семиозисе в конструкциях, которые базируются на нем, в работах Е. О. Труфановой, привело к выделению трех типов социальных конструкций:

- 1) Институциональное конструирование - семья, церковь, государство как регуляторы отношений внутри социума;
- 2) Абстрактное конструирование - любовь, ревность, счастье, долг;
- 3) Наделение дополнительными смыслами - наделение предметов окружающего мира дополнительными качествами, приписывание.

---

<sup>81</sup>Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. С. 258.

<sup>82</sup>Там же. С. 35.

Выявленные типы социальных конструкций позволили провести авторскую аналогию с символическим конструированием телесности в контексте «нормы»/ «не нормы» на примерах нарративного или образного искусства как части социальной реальности и культурного поля человека.

В пример можно привести ряд научных теорий евгеники в период правления национал-социалистической Германии. В тот исторический период большая часть нацистской Европы всерьез занималась измерениями черепов согласно стандартам «истинных арийцев», а всех тех, кто не попадал под определенные требования (телесные аспекты восприятия) соответственно «забраковывали». Сейчас, с нашей современной точки зрения, данные антропологические исследования являются лженаукой и не более, но в случае победы нацизма, по данной логике, эта «наука» имела бы какие-то основы и подразумевалась бы в качестве основного метода в исследовании человека (претендовала бы на истинность) и впоследствии – использовалась бы в идеологических целях. Т.е. знание о любом аспекте, даже о телесности, не может быть в какой-то степени «не предвзятым» – оно зависит от социокультурного контекста и диктуется социальной политикой общества (об этом утверждал в своих работах и М. Фуко). Данный пример является частью институциональной конструкции, отражающей способы символического формирования знания о телесном опыте через доминирующую идеологию.

Абстрактное конструирование типичного представления о телесном находит свое отражение на примере языковых практик. П. Бергер и Т. Лукман отмечают, что реальность мира определяется тем, как он разделяется другими людьми. Коммуникативная функция речи является, при этом, доминирующей основой. По словам М. М. Бахтина телесность базируется на внутренних потребностях тела и внешней оценки, которая является призмой, через которое мы получаем, либо даем оценку человека<sup>83</sup>. Язык, в данном варианте, выступает аппаратом для трансляции социальных отношений и отражения социальной реальности. Концепция политкорректности в более полной мере отражает предложенную гипотезу об основах социального конструирования понятия типичной/нетипичной телесности.

---

<sup>83</sup>Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 40.

При использовании слова «инвалид» в адрес лица с ОВЗ автоматически происходит акцентирование на его «неполноценности», ограниченности в возможностях и как бы «исключения» его из обыденной жизни. Но, именуя человека «physically challenged» (англ. «испытывающим вызов со стороны физических возможностей») тем самым подчеркиваем его активную позицию в борьбе с недугом и перемещая его в другой дискурс. В рамках социального конструирования большое значение играют дискурсы, как способы описания определенной ситуации или социальной группы<sup>84</sup>.

При этом наши социальные «договоренности» (относительно восприятия тела, например) не просто определяют наш мир, но могут его трансформировать, как в случае политкорректности и инклюзивного языка, которые обладают конструирующим и трансформирующим воздействием. Подобную точку зрения разделяла и Е. Р. Ярская-Смирнова: «Так, нетипичность, выражаемая в форме инвалидности... теряет многие свои качества, когда носители стигмы избавляются от нее, когда изменяется контекст взаимодействия с другими: вместо дискурса, ограничивающего и оценивающего, с точки зрения полезности и соответствия норме, формируется дискурс равенства»<sup>85</sup>.

Третий тип социальных конструкций проявляет себя в различных моделях инвалидности. Здесь ключевым становится наделение дополнительными смыслами предметов окружающего мира. История наделения телесных аспектов дополнительными «смысловыми надстройками» имеет свою давнюю историю. Важный вклад в современное восприятие человеком нестандартных телесных аспектов внесла псевдонаука – физиогномика, с помощью которой многие ученые при помощи натурфилософских размышлений пытались доказать «сопричастность» душевных качеств к внешним характеристикам человека. Телесный аспект переносился на черты характера и говорил о якобы добродетельной или обезображенной душе, которая находила свое отражение в физическом «уродстве». И. Лафатер был убежден, что душа и тело связаны между

---

<sup>84</sup>Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. С. 250.

<sup>85</sup>Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства. С. 26.

собой и внешность исторических деятелей прямо пропорциональна их внутреннему миру<sup>86</sup>. Релевантность подобных антропологических телесных проявлений вылилась в XIX веке в криминологию и учение Ч. Ломброзо («Преступный человек»), в котором он пытался проследить взаимосвязь между соматическими аномалиями человека и его преступными наклонностями. Но при этом Ч. Ломброзо, в своих псевдонаучных выводах, не учитывал тот факт, что в данную эпоху физические недостатки чаще всего встречались среди маргинальных слоев общества (в котором в полной мере присутствовал голод, болезни), и в которых асоциальное поведение было наиболее распространено. С этим же конструктом можно связать представление широкой аудитории изуродованных шрамами отрицательных персонажей фильмов о Джеймсе Бонде, капитане Крюке (обладающем крюкообразным протезом вместо руки) и т.д. Негативные черты намеренно приписывались определенного рода отрицательным персонажам, и, сопутствующим элементом, обычно являлась как-либо инвалидность, либо неполноценность, либо физическое уродство.

Данное утверждение разделял Д. В. Михель: «...всякое тело – это всегда производная соответствующей формы контроля, превращающей тело в поверхность, на которой культура записывает свои самые главные мысли»<sup>87</sup>. Теоретик культуры, всемирно известный семиотик У. Эко проблематизировал визуальную составляющую внешности человека, написав знаменитые труды «История красоты» и «История уродства». Он отразил, в своей манере, презентативные формы семиотики культуры, позволяющие мыслить телесность согласно определенному историческому периоду.

Проблематика рассмотрения телесности как социального конструкта предполагает, что феномен телесности является артикулируемым через призму чужих мнений представления о «внешнем теле» (М. М. Бахтин). Он обладает такими характеристиками как изменчивость (в силу возможности трансформироваться с помощью языка, с точки зрения истории) и

---

<sup>86</sup>The Editors of Encyclopaedia Britannica. Physiognomy. URL: <https://www.britannica.com/topic/physiognomy-division> (access date: 08.09.2017).

<sup>87</sup>Михель Д. В. Тело в западной культуре. Саратов: «Научная книга», 2000. С. 115.

комплиментарность (взаимное соответствие между отношением общества к феномену тела и выстраиваемыми коммуникативными связями, институтами).

Кроме того, доминирующая роль идеологии имеет свое трансформирующее воздействие на социум посредством социальных институтов, языковых моделей и т.д. Смысловое наполнение социального конструкта телесности может быть любым, в зависимости от формирующего исторического или социального контекста. Принцип социального конструкционизма, используя феноменологическую основу восприятия телесности, а также, от части, символическую философию, предлагает концепцию социальной маркировки (в том числе и семиотическую) посредством которой происходит момент инкультурации – приобщения тела человека к общей культуре, которая воспроизводит собственные нормы и паттерны поведения, семиотизацию тела.

По мнению Ю. Н. Давыдова, культура как «форма объективирующего опосредования человеком фундаментальных определений его собственного бытия», возникает «на границе» природного и духовного, в том случае, когда человек разрешает конфликт собственного природного существования и социальной сущности. Как внутренний конфликт человека на телесном уровне: поскольку человеческий организм развивается в поле «конфронтации» двух ритмов – «чисто» природного и социального («естественно-исторического»)<sup>88</sup>.

С такой точки зрения любой вид дискурса (анатомический, биологический или лингвистический) определяется идеальным типом телесности. Получается, что дискурс нетипичного тела выходит за рамки автономии идеального тела и далее наступает уже уровень идентификации и сравнения своего телесного бытия с тем, нетипичным телом, представление о котором является малоизученным аспектом.

Касаемо социальной философии вопрос атипичного тела как носителя характерных физических или иных недостатков, в отличие от тела «абстрактного», рассматриваемого безотносительно к меняющейся социальной среде, начал подвергаться анализу относительно недавно. К сожалению, в рамках отечественной социально-философской мысли, человеческое тело освещалось

---

<sup>88</sup>Давыдов Ю.Н. Культура – природа – традиция // Традиция в истории культуры. М.: Наука, 1978. С. 45.



только с позиции абстракции, рассматривая лишь медикалистское понимание ограниченных возможностей личности

В данном случае, автором диссертационного исследования, предлагается ввести термин - «*нетипичная телесность*», который имеет два уровня рассмотрения. В широком понимании нетипичная телесность есть сумма значений и согласованных норм, посредством которых фиксируются социальные и культурные различия личности, сообществ, групп (это могут быть маргинальные группы, личности с девиантным поведением и прочее), которые самостоятельно определяют свою «общность» по принципу комплиментарности в рамках дискурсивных и физиологических практик. В узком понимании нетипичная телесность есть результат формирования значений относительно атипичного тела как тела, отличающегося от нормы по независящим от человека причинам (атипичная, нестандартная внешность, наличие врожденной или приобретенной с возрастом инвалидности). *В данном исследовании будет рассмотрен процесс конструирования нетипичной телесности в социальных отношениях, языке и культуре в узком ее понимании (относительно наличия инвалидности или нестандартной внешности).*

Подобный термин впервые был замечен в социологических исследованиях, посвященным телесности в работах Е. Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. В них рассматривались различные аспекты обозначения больного тела и медикалистских форм контроля ненормированности тела. История изучения инвалидности начинается с работ доктора И. Мецлер, охватившей ретроспективу объекта исследования с 1100 по 1400 г.<sup>89</sup>, в рамках которых инвалидность начала выдвигаться на первый план на фоне определенных социальных событий.

Начиная с 1950-х годов вопрос телесности поднимается в поле социального анализа, но не как самостоятельная тема, а неких определяющих стигматизацию

---

<sup>89</sup>Metzler I. Disability in Medieval Europe. Thinking about physical impairment during the high Middle Ages, c. 1100-1400. P. 25 –36.

характеристик- возрастные, расовые особенности, наличие больного тела и т.п.<sup>90 91</sup>. Антропологическая традиция изучения телесности, лежащая в основе социокультурной парадигмы, предлагала дешифровать социальные и культурные нормы поведения человека<sup>92</sup>. За пределами данного «симбиоза» оставались нераскрыты вопросы инвалидизации населения, как носителя стигмы в рамках современного дискурса. Современная культура, в данном случае, выступает мощным контролирующим механизмом, влияющим на восприятие, коммуникацию и положение людей в обществе. Это отчетливо проявляется в случае больного и атипичного тела, по отношению к которому в восточно-европейской культуре сформировывалась целая система предубеждений и ограничений.

Большинство современных школ социологии вывели нетипичную телесность в разряд «отчуждения», «стратификации по телесному признаку». В классических работах, посвященных понятию «Чужого» (П. Бергер, Г. Зиммель, А. Шюц, И. Гофман, М. Фуко) можно усмотреть объективизацию знания о теле в пространстве проблематики смыслов в культуре через призму гносеологического анализа. Визуальную же составляющую культурного поля осмыслили с позиций потребления, желания (Ж. П. Сартр, А. Бергсон, М. Мерло-Понти). Зарубежные авторы, такие как М. Oliver и Т. Shakespeare выдвигали ряд теорий, согласно которым нетипичность рассматривалась как многомерный феномен, объединяющий теорию социального исключения по телесному признаку в современном социокультурном пространстве.

Характерная медикалистская модель понимания тела применительно к людям, обладающим нетипичной телесностью сформировалась относительно недавно – в 20-х, 30-х годах XX века в связи с возросшим количеством искалеченных ветеранов Первой мировой войны – именно тогда инвалидность из полутеневой стороны общества переросла в конкретную социальную группу. Одна

---

<sup>90</sup>Ярская-Смирнова Е., Романов П. Образ власти и власть образа. Больное тело в культуре // Теория моды: одежда, тело, культура. №18. 2011. С. 100.

<sup>91</sup>Barnes C., Oliver M. The New Politics of Disablement // Basingstoke: Macmillan, 2012. P. 105 –115.

<sup>92</sup>Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS.1994. №6. С. 150.

из первых зарубежных статей, осветивших данный вопрос, была работа «Цивилизация и калеки» Ф. Ватсона, повествующая о том, что калеки являются социальной проблемой, разрешить которую может только медицина и система закрытых учреждений. Также стоит отметить работу Г. Хаггарда «The Lame, the Halt and the Blind: The Vital Role of Medicine in the History of Civilization»<sup>93</sup>, внесшую свою лепту в процесс стигматизации инвалидов среди широкой публики. Психологические аспекты инвалидности изучали Д. Хендерсон и В. Брайан в работе «Психологические аспекты инвалидности»<sup>94</sup>.

Роль языковых конструктов в процессе формирования концепции инвалидности поднималась в работах Т. Шекспира и К. Барнса, которые выдвигали теории о взаимосвязи телесного и социальных и культурных смыслов. Исследование понятия «чужого» в социологии представлялись в работах З. Баумана, Г. Зиммеля, Р. Парка, А. П. Бергера, Дж. Г. Мида («обобщенный другой»), М. М. Бахтина, Ж. Делез, В. А. Подороги, которые, в свою очередь, предлагали новую ступень для исследования нетипичной телесности. Необходимо отметить теорию дискриминируемого меньшинства, разработанную М. Оливером, С. Бернсом, Г. Мерсером и Т. Шекспиром. Также, как и теорию девальвации и валоризации (труды В. Вольфенсбергера, С. Томаса) вкуче с теорией стигматизации (И. Гофмана, М. Файна, А. Эша)

Зарубежные ученые акцентировали свое внимание на гендерных проблемах инвалидов (Д. Камплин, Д. Моррис, Е. Клер, Л. Драйджер, Б. Хиллиер). Социокультурные аспекты взаимоотношений в сфере инвалидности рассматривались М. Балером, С.Н. Барнартом, Р. Грубером и так далее. Работы И. Гофмана (в области стигматизации и теории девиации), М. Фуко (социокультурное направление исследования девиантного поведения), У. Эко (применение семиотического анализа при анализе образа отличного от «нормы»)

---

<sup>93</sup>Haggard H. W. The Lame, the Halt and the Blind: The Vital Role of Medicine in the History of Civilization // London: Forgotten Books, 2018. P. 50 – 56.

<sup>94</sup>Henderson G., Bryan V.W., Psychosocial Aspects of Disability Insider Perspectives and Strategies for Counselors // New York: Springer Publishing Company, 2011. P.15.

помогли раскрыть некоторые аспекты восприятия в социуме нетипичной внешности.

Работы В. Волкова и Л. Г. Ионина (вкуче с концепциями М. Хайдеггера и М. Вебера) предлагают концептуализацию практик социального исключения. Критическое рассмотрение стереотипизации культуры посредством гендера, социальных страт предлагается в трудах таких ученых как П. Бурдьё, Е. Р. Ярской-Смирновой, Н.В. Рыбалкиной, З. А. Хоткиной, А.И. Посадской, Ю.Г. Волкова. Зарубежные исследователи тоже уделили этой тематике немало усилий – З. Бауман, Э. Гидденс, А. Рич, Д. Бенджамин, Д. Уикс, Д. Митчелл, З. Бауман и др.

Рассматривая проблемы социального неравенства Е. Р. Ярская-Смирнова предлагает рассматривать инвалидность в культуре с точки зрения социальной модели, которая в рамках российского общества является новаторской, ведь именно с точки зрения социальной модели инвалидность признается конструктом, а, следовательно, имеет свойство быть конструируемой социальными механизмами.

Вопрос понимания нетипичной телесности в социуме с культурной точки зрения рассматривался в труде профессора М. Оливера, где утверждалось, что акцент на телесном, характерный для медицинской модели, подчеркивает стигматизацию фигуры инвалида в обществе и является объектом для «жалующего взгляда» доминантного большинства. Социальная модель инвалидности также освещалась в работах Л. Кроу, К. Дэвиес, Д. Дикей, Л. Холденом, Р. Мерфи.

В разделе о проблемах терминологии доклада «Права человека и инвалидность» отмечено, что «набор терминов, употребляемых в языке и юридических текстах при определении не только признаков инвалидности, но и самих инвалидов, ограничен, а в ряде случаев – они носят уничижительный характер»<sup>95</sup>. К примеру, в рамках испанского языка распространены ранее были такие слова, как «invalidos», «minusvalidos», «impedidos», «mutilados», «retrasados» и прочее, которые номинально «оформляли» человека в рамки стигматизирующего

---

<sup>95</sup>Права человека и инвалидность / Доклад комиссии по правам человека ООН: E/CN, 4/SUB 2/1 911/31. С. 15.

дискурсивного поля. На данный момент, благодаря включению политкорректных дискурсивных практик, считается некомпетентным указывать на физические недостатки человека (где слово «слепые» следует заменять на «лица, лишенные зрения»)<sup>96</sup>. К примеру, в официальных юридических документах США, имеются специальные таблицы с терминологией, которая должна употребляться на общественном уровне, по отношению к людям с нетипичной телесностью или к людям с особыми потребностями. В рамках построения отношений с личностью, обладающей нетипичной телесностью следует употреблять именно те термины, которые не указывают на единство физического или иного недостатка с этой личностью, что является одним из вариантов дискурсивных практик в реальной социальной среде.

В западной литературе вопрос терминологии в отношении людей, с ОВЗ, или какой-либо другой формой атипичности, является более освященным вследствие раннего развития интеграционной политики, внедрения инклюзивной среды в общественные процессы. Подобные работы имеются у таких авторов: Т. Shakespeare, М. Agmon, G. Merser, М. Oliver, S. Bernes, E. Goffman, М. Faine и т.д. Права человека стали регламентировать как взаимоотношения так и языковую политику в странах ООН<sup>97</sup>.

Е. Р. Ярская-Смирнова отмечает, что нетипичность является своеобразным отсутствием «упорядоченности» общества, находящих свое отражение в формах ненормированности. Разграничивая типы личности по методу кодирования (Другой-Свой) происходит некая самоидентификация себя с образом «Другого» или «нормального». Бинарная оппозиция «на-не наш» является усиливающей негативный аспект инкультурации индивида<sup>98</sup>.

Процессы, способствующие формированию системы взаимоотношений и отношения к Другости и инаковости, реализуются через налаженную систему коммуникаций в обществе – медиасферу, язык, образность и прочее. Вопрос о реальности применения более политкорректных языковых практик поднимается в

---

<sup>96</sup>Там же. С. 18.

<sup>97</sup>Там же. С. 19.

<sup>98</sup>Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. С. 58.

социальном конструкционизме, который подчеркивает главенствующую роль языка в процессе моделирования социальной реальности. Опираясь на работы С. Лангер, М. М. Бахтина, У. Сепира, Л. С. Выготского, можно констатировать факт того, что социальные отношения внутри каждого общества транслируются с помощью языка и реальность предстает перед нами такой, какая она есть именно благодаря ему<sup>99</sup>.

Нетипичная телесность является своего рода феноменом в современной культуре, детерминирующим рамки взаимоотношений бинарных оппозиций «наш»/ «не наш», «свой» / «чужой» и т.д. В свою очередь, авторское видение концепции нетипичной телесности предполагает рассмотрение процессов конструирования данного феномена в современном социокультурном пространстве. Рассмотрение механизмов формирования инклюзивной образовательной, культурной и социальной среды актуально уже и на уровне социокультурного воспитания населения в рамках адаптационных мероприятий стран Евросоюза<sup>100</sup>.

Переосмысление дихотомии телесного и духовного бытия и переход к частным вопросам преодоления собственной чуждости, личностного кризиса (А. Шюц<sup>101</sup>) уже является свидетельством дискурсивного анализа телесных практик на новом уровне. Именно анализируя личностные переживания индивидов (в разрезе экзистенциального кризиса, стрессовых ситуаций) в контексте нетипичности как феномена, возможно наделение опыта субъектов характером индивидуализации, выявляя коренные проблемы типизации, канонизации, идеализации внешних аспектов. Об этом, к примеру, говорит Л. Г. Ионин, по чьим словам, неравенство перестает быть негативным понятием, в рамках социального государства, а определяется уже как инаковость, «непохожесть» или как

---

<sup>99</sup>Русанова А.А. Стигма нетипичности как форма индивидуализированного телесного бытия // Вестник Воронежского государственного университета (Серия: Философия). 2019. №1. С. 82.

<sup>100</sup>Формирование инклюзивной организационной культуры. Межкультурные компетенции в социальных службах: методическое руководство / Пер. с англ. под общ.ред. Елены Ярской-Смирновой. Страсбург; М.: Совет Европы; Вариант, 2017.С. 5.

<sup>101</sup>Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. N 2. С. 131.

плюрализация бытия и индивидуализация культур и жизненных стилей<sup>102</sup>. Таким образом, пространственно-временная специфика явлений и процесс социализации знаний о человеке уже определяются в рамках поликультурного процесса, отходя от абстракций и индивидуализируя категории (политика, сексуальность, культура, телесность и т.д.)<sup>103</sup>. Практики современного социокультурного знания говорят о том, что нетипичность, которая не подвергается стигматизации со стороны большинства, не оценивается на предмет собственной полезности в соотношении нормы, формирует новый дискурс равенства и толерантности, человеческого разнообразия.

Дискурсивная практика социального конструкционизма подразумевает наличие установленных обществом договоренностей, в рамках которых существует и телесный аспект, в том числе. Интерессубъективная предметность нетипичности раскрывается в рамках конструирования идентичности человека, которое конструкционисты видят в виде набора ассоциаций личности с различными «внешними обстоятельствами»<sup>104</sup>, которыми, по мнению автора, могут выступать социальные конструкции. Данные *ассоциации* предлагают личности пройти стадию идентификации через отождествление собственного Я с любыми гендерными, культурными, этническими представлениями и ценностями. Таким образом, в данном случае речь может идти о множественности ассоциаций, каждая из которых может выступать социальной связью (даже в поле идентификации себя по наличию нетипичного тела/внешности).

Итак, итоги первой главы заключаются в следующем:

1) «Не норма» телесности раскрывается как конструкция, которая через призму процессов социальных коммуникаций, в связке с культурой общества, может изменять отношение к девиации.

---

<sup>102</sup> Ионин Л. Г. Культура и социальная структура // Социологические чтения. Вып. 1. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 71.

<sup>103</sup> Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности Информационный бюллетень РФФИ, 5 (1997) НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ И ОБЩЕСТВЕ, Саратовский государственный технический университет (СарГТУ) 1997. С. 58.

<sup>104</sup> Труфанова Е. О. Единство и множественность Я. М.: Канон+, 2010. С. 52.

2) Установлено, что дискурсивная практика социального конструкционизма подразумевает наличие установленных обществом договоренностей, в рамках которых существует и телесный аспект, в том числе. Интерсубъективная предметность нетипичности раскрывается в рамках конструирования идентичности человека, которое конструкционисты видят в виде набора ассоциаций личности с различными «внешними обстоятельствами».

3) По мнению некоторых исследователей (М. Фуко, Э. Дюркгейм), атипичная телесность, участвуя в процессах идентификации, выходит за рамки представлений общества в отношении «правильного тела» и становится актором дисциплинарного надзора. Девиацией, при этом, может выступать любое отклонение от «нормы», не входящее в предписанный социумом конструкт (П. Бергер, Т. Лукман). Таким образом, личность, которая является носителем «неповторимого образа» является как бы исключенной из среды социальных коммуникаций «нормированного общества».

4) Анализ трех типов социальных конструкций показал, что в рамках социокультурных изменений формируются новые значения и относительно атипичной телесности, при этом личность является пассивно-погруженной в мир социальных конструкций, формирующих новые символические аспекты восприятия телесности.

5) Взаимодополненность вышеуказанных концепций привела автора диссертационного исследования к оригинальному определению нетипичной телесности, которое имеет два уровня сведения: на уровне самостоятельного дистанцирования от «нормы» посредством дискурсивных или физиологических практик отчуждения и на уровне независящих от личности причин атипичности (внешность, инвалидность).

Таким образом, в первой главе данного исследования установлены концептуальные основания исследования бинарной оппозиции «нормы» / «не нормы» телесности, заключающиеся в широком наборе методологических установок культурологической, семиотической и конструкционистской школ, позволяющих определить роль знаково-языкового кодирования в процессах



конструирования нетипичности личности. Концепции социального конструкционизма К. Гургена, Дж. Шоттера, рассмотренные в работах Е. О. Труфановой как набор значений, зависящих от социокультурного окружения, позволяют определить нетипичную телесность как погруженное состояние личности в знаково-языковую среду социума, что перекликается с семиотической концепцией У. Эко.

Вышесказанное позволяет раскрыть специфику конструирования нетипичной телесности в пространстве социальных коммуникаций.

## **2 Процессы конструирования нетипичности в социальных коммуникациях**

Понятие «процесса» включает несколько сменяющихся, либо комплементарных, условий, которые раскрываются в их совместной координации относительно конкретного результата либо общего представления функции. Следует подчеркнуть, что самоидентификация личности, по мнению автора диссертационного исследования, происходит в пространстве значений, которые дифференцируются социальными, культурными и иными институтами, в их символическом обмене. Именно данный символический обмен между социокультурной средой и личностью подразумевается в качестве процесса, проникающего во многие сферы жизни личности с нетипичностью: политические условия отношения к инаковости; социальные ограничения; коммуникативно-семиотическое пространство медиакультуры и прочее.

Принимая во внимание вышеозначенное, следует заметить, что в данной главе производится анализ и раскрытие процессов, конструирующих нетипичность личности через социальные коммуникации в отношении общества к проблеме инаковости, в языке и культуре как часть современной реальности. И данная реальность рассматривается не с позиции дихотомии («присутствует данное утверждение либо нет»), а именно с позиции установления *условий, в рамках которых выстраивается отношение к инаковости*. Учитывая тот факт, что представление в отношении инаковости является социально-сконструированным,

следует установить взаимосвязь условий, которые способны координировать процесс самого конструирования. Вследствие чего в качестве задач настоящей главы основными видятся следующие: раскрыть институциональные условия конструирования нетипичной телесности; выявить роль символического опосредования в процессах конструирования нетипичной телесности личности в обществе; определить специфику инкультурации нетипичности личности средствами массмедиа в социальных коммуникациях.

## **2.1 Институциональные условия конструирования нетипичной телесности личности**

Одним из этапов, определяющих отношение к личности с нетипичной телесностью, является установление институциональных условий, в рамках которых определяется/закрепляется позиция социального и культурного значений по отношению к инаковости. Представляется, что абстрактные значения конструкции нетипичности формируются социальными институтами, церковью, семьей, государством, идеологией, и служат для непосредственной регуляции отношений внутри социума<sup>105</sup>. Под институциональными условиями конструирования понимаются модели инвалидности, на основе которых, в ретроспективе, можно проследить официальную политику государственных и иных структур по отношению к людям с инаковостью. Подача материала в виде поэтапного процесса предоставит возможность: а) структурировать развитие вопроса инвалидности в поле ретроспективного анализа и б) установить наличие изменений в данном вопросе на основе динамики самих моделей в пространстве социальных интеракций. В широком смысле, институциональные условия конструирования нетипичности разделены автором исследования на три составных части: от стигматизации, признания и до включения личности с нетипичной телесностью на основе фактического переосмысления обществом проблемы стигматизации инвалидов.

---

<sup>105</sup>Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. 2018. С. 15.

История становления отношений общества к людям выражена в формате моделей, каждая из которых характеризовала или отражала реальное положение индивида в социальных отношениях<sup>106</sup>. В частности, Н. Н. Малофеев в своей работе описал следующие модели<sup>107</sup>:

1. Модель «Больной человек» – человек рассматривается как объект лечения и медикализации.

2. Модель «Недочеловек». Согласно этой модели, человек с ОВЗ рассматривался как «неполноценное существо», не имеющее прав для функционального существования в обществе.

3. Модель «Угроза обществу», согласно которой человек с ОВЗ воспринимался как угроза, поэтому создавались специальные закрытые учреждения.

4. В модели «Объект жалости» личность с отклонениями в развитии рассматривалась как требующая излишней заботы и опеки.

5. Модель «Объект обременительной благотворительности» связана с нежеланием частных лиц «содержать» личностей с ОВЗ за собственные деньги и, соответственное, отторжение в восприятии благотворительности как таковой.

6. Модель «Развитие». Данная модель констатирует факт наличия у лиц с ОВЗ способностей к развитию. Этому способствовало принятие в 1971 году Декларации ООН «О правах умственно отсталых лиц», в 1975 году Декларации ООН «О правах инвалидов», в 1989 году «Конвенции о правах ребенка»<sup>108</sup>.

Также, можно выделить до 12 моделей инвалидности, которые условно можно подразделить на «старые» и «новые» этапы конструирования социальной реальности в области политики защиты прав лиц с ОВЗ. «Традиционные» модели относятся более к медицинскому характеру восприятия нетипичности, в том время как конструируемые относительно с недавнего времени социальные аспекты

---

<sup>106</sup>Русанова А. А. Бинарная оппозиция «нормы» / «не нормы» в категории телесности / А. А. Русанова // Аспирантский вестник Поволжья. 2018. № 7–8. С. 40.

<sup>107</sup>Малофеев Н. Н. Западная Европа: Эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии. М., 2003. С. 113–150.

<sup>108</sup>Америдзе С.П. Обзор зарубежного опыта в области инклюзивного образования // Научные исследования в образовании. 2012. № 5. С. 59.

инвалидности приносят в «новые» модели более адаптированный характер взаимодействия членов общества и позитивной инкультурации. Хотя, К. Рэтлифф и Д. Хэйли не отрицают факта появления еще одной модели в скором времени<sup>109</sup>. К «традиционной модели» можно отнести:

1. Моральную модель.
2. Медицинскую модель.
3. Экономическую модель.
4. Реабилитационную модель.
5. Модель функциональной ограниченности.

Далее следует рассмотреть каждую модель в рамках которых актуализировалось то или иное понятие атипичности и инвалидности в системе общественных отношений.

*Моральная модель* инаковости заключается во включении общественных форм конструирования и в проявлении христианской религии, предопределяя нетипичность как репрезентацию мученичества Христа. Связь инвалидов с представлениями о вине и религиозным наказанием до сих пор превалирует во многих культурах<sup>110</sup>. Низкий социальный статус, который на протяжении длительного исторического периода являлся сопутствующим характером проявленной инвалидности, являлся следствием последующей эксклюзии индивида из семьи в сторону бродяжничества, порождая социальный остракизм. Данная модель является устаревшей формой восприятия, хотя и используется некоторыми сообществами, до сих пор, в качестве базисной.

*Медикалистская модель* на протяжении достаточно длительного периода оставалась доминантной моделью в социальной среде и претендовала на научность<sup>111</sup> рассматривая отклонение от медицинской «нормы» в терминологии патологических различий и дефектов, неполноценности индивида по отношению к

---

<sup>109</sup>Ratliffe C. Toward a Non-Dualistic Disability Paradigm: Beyond Connectedness // Disability Studies Quarterly. URL: <http://www.dsqsds.org/article/view/349/445>, free. Tit. screen (access date: 22.05.2019).

<sup>110</sup>Русанова А.А. Стигма нетипичности как форма индивидуализированного телесного бытия. С. 85.

<sup>111</sup>Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э. К. Социальная работа с инвалидами: Учеб. Пособие. Саратов: СГТУ, 2004. С. 92.

другим членам общества<sup>112</sup>. Отчасти, данная модель характеризуется реальными медицинскими научными фактами и экспертизой, которая зачастую нужна для определения клинико-диагностической картины личности в случае назначения пособий по инвалидности и установления места личности в обществе (для медицинской поддержки и прочее). Для этого, до сих пор, создаются специализированные медицинские центры, коррекционные школы (которые уже выходят из обихода ввиду настоящей социальной политики). Одной из проблемных сфер данной модели являлось рассмотрение индивида как неполноценного члена общества, неспособного отвечать за собственную жизнь и полноценно трудиться. Недуги, автоматически, исключали его из политической и социальной сфер. Подобный подход, по мнению многих исследователей, основательно укрепил стигматизацию по отношению к личности с нетипичной телесностью и усилил политику эйблизма в какое-то время.

*Экономическая модель* вытекает из предшествующей модели и предполагает установление определенных пособий, льгот, систем материальной поддержки лиц с ограниченными возможностями на основании установленного факта инвалидности (медицинского освидетельствования). По мнению ряда экспертов, поскольку лица признаются неполноценными в физическом плане, то они являются «экономически ущербными и не могут производить достаточное количество ресурсов, что является обременением для общества»<sup>113</sup>.

Следует отметить, что *модель функциональной ограниченности*, являющаяся междисциплинарным ответвлением от экономической и медикалистской моделей, также описывает недееспособность лица в рамках народного хозяйства. Вследствие этого предусматривается создание специальных учреждений, предоставляющих реабилитационные услуги.

Перечисленные выше модели, относящиеся к первой части поэтапного процесса институциональных условий, свидетельствуют об изначальном наличии

---

<sup>112</sup>Preiffer D. The Conceptualization of Disability? // Exploring Theories and Expanding Methodologies: Where We Are and Where We Need to Go // New York: Elsevier Science, 2001. P. 85.

<sup>113</sup>Рот У. неполноценность физическая // Энциклопедия социальной работы: В 3т. Т.2 / Пер. с англ. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. С. 137.

социального неравенства, базирующегося на тех социальных конструктах, которыми были наделены тело и нетипичные практики на протяжении долгого времени. Выявлено, что к традиционной части моделей относятся в основном стигматизирующие лиц с ОВЗ практики отчуждения и внедрения институциональных мер, которые фиксируют личность с нетипичной телесностью в его «нише» и приписывают неспособность социального и культурного функционирования личности в обществе, проводя политику эйблизма.

Далее следует рассмотреть вторую часть моделей, как поэтапного процесса переосмысления социумом проблемы инвалидизации. К ним относятся британские и часть американских моделей инвалидности в области адаптивной политики, отражающих начало динамики во взаимоотношениях социума и стигматизируемой группы населения, начало которым было положено в 1970-х годах. К ним относятся:

1. Материалистическая модель.
2. Психосоциальная модель.
3. Социально-политическая модель.

Пересмотр отношения общества к «нетипичному» происходил постепенно и базировался на стратегии освобождения от социальной стратификации и угнетения.

*Материалистическая модель*, разработанная британскими мыслителями, представляет собой социальную модель инаковости, вытекающую из учений К. Маркса, и развитую в 1970-е годы активистами «Союза физически повреждённых против сегрегации» (UPIAS)<sup>114</sup>. Академическое обоснование данной модели нашло свое отражение в работах К. Бёрнса, М. Оливера, В. Финкелштейна и Е. Р. Ярской-Смирновой (отчасти). Основными постулатами вышеуказанной модели являются: декларирование инвалидов в качестве стигматизированной социальной группы; разделением между повреждениями и сопутствующими им проблемами в обществе. Языковой метод экспликации термина «disabled people» служит тому примером, в рамках которого он переводится как «инвалидизируемые (обществом)

---

<sup>114</sup>Русанова А.А. Стигма нетипичности как форма индивидуализированного телесного бытия. С. 85.

люди», где индивидуумы воспринимая внешнее воздействие со стороны общества являются уже «провоглашенными» как недееспособные и носителями стигмы. Идея экономической структуры капитализма при этом объясняет, почему инвалиды являются «проигравшими», так как сам общественный устроит продуцирует институциональную дискриминацию (поскольку главной целью подобного рода экономики является получение прибыли, о чем и говорит политэкономия К. Маркса, то оно не заинтересовано в лицах с менее продуктивными темпами работы).

*Психосоциальная модель* является вариантом американской системы посттрадиционализма. Источником данной модели является символический интеракционизм И. Гофмана, в качестве методологии которого выступает ряд постмодернистских концепций. Именно согласно данной модели, являющейся фундирующим основанием для всех остальных американских моделей, граница между «нормой» и «не нормой» является социальной конструкцией. Причем данная конструкция имеет пространственно-временной характер: «В силу этого, инвалидность можно понимать не только как физиологическую патологию организма, дефект внешнего вида или поведения человека, но и как социальное определение, стигму, ярлык. Этот ярлык – знание об инвалидности – может приклеить человеку какая-то конкретная социальная система, в которой данное состояние принято считать отклонением от нормы. Получается, изменив социальное окружение, перейдя в другую социальную группу, можно снять с себя этот ярлык или сменить его на другой, который в меньшей степени будет ограничивать возможности индивида»<sup>115</sup>. Наряду с этим некоторыми исследователями предлагается расширить понятие «нормы», включив в него некий позитивный образ инвалидности, как некоторого «всеобщего эксперимента»<sup>116</sup>.

*Социально-политическая модель* предполагает наличие статуса угнетаемого меньшинства у инвалидов, и данный статус присваивается окружающей его

---

<sup>115</sup>Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э. К. Социальная работа с инвалидами. С. 59.

<sup>116</sup>Тарасенко Е. Модели инвалидности (конструирование национальной концепции социальной политики) // Управление здравоохранением. № 1. 2003. С. 59-60.

средой<sup>117</sup>. Таким образом, понятие инвалидности как определенной проблемы более не существует, в случае предоставления индивиду всех ресурсов для самореализации и обеспечения его активности. Базируется данная модель также на теории социальных аттитюдов, где инвалиды становятся динамичными субъектами, акторами социальной политики.

В рамках вышеозначенных моделей четко просматривается политика государственных и иных общественных структур в пересмотре отношения к инвалидам, признания их угнетенной группой населения. При этом, уже поднимается вопрос формирования самим социумом *значений* в отношении инаковости (И. Гофман).

Заключительным этапом признания и непосредственного включения личностей с нетипичностью в социокультурное пространство является вариант моделей, основанных на включении инвалидов в общественную и коммуникативную среду. Подчеркнем, что специфика каждой модели обусловлена не только принадлежностью ее авторов к конкретной научной школе, но и тем социально-культурными изменениями внутри самого общества, которые складывались постепенно на основе развития социальных институтов и философских воззрений.

*Модель независимой жизни* использует вариацию символического интеракционизма вкупе с функциональной социологией. Идеология последователей данной модели состояла в закрытии специализированных учреждений и интернатов для людей с ограниченными возможностями здоровья и развитии специальных мер поддержки населения, имеющего определенные виды отклонений. Социальная политика Швеции, Великобритании и США приняла данную модель в качестве базовой и активно стала внедрять социальную политику на местах проживания данных граждан<sup>118</sup>. При этом, данная модель встречала противодействие со стороны «левых» при критике низкого качества оказываемых

---

<sup>117</sup>Hahn H. Toward a Politics of Disability: Definitions, Disciplines and Policies // Unpublished paper. University of Southern California, 1994. URL: <http://www.independentliving.org/docs4/hahn.html>. (access date: 17.11.2017).

<sup>118</sup>Рамон Ш. Нормализация и социальная валоризация в контексте современной социальной политики // Управление здравоохранением. № 2. 2001. С. 19.



на дому услуг и экономической неспособностью страны обеспечивать должное обслуживание. Идея данной модели также включает в себя понятие самопомощи, которая и определяет ключевое понятие независимости собственной жизни от сложившихся в жизни инвалида обстоятельств. В философском ключе «независимость» предполагает ориентацию личности на постановку и самостоятельную попытку в реализации задач, стоящих перед лицом с ОВЗ, на подобии с любыми другими членами социума.

*Культурная модель* инвалидности предполагает рассмотрение данного понятия в ключе феномена данной культуры. Предпосылками которой в 90-х годах XX века являлись идеи В. Финкелштейна, Е. Мориссона и Х. Хана. Согласно культурной модели – благодаря внедрению инклюзивной культуры может быть создан позитивный образ нетипичности и, тем самым, инвалиды могут внедряться и быть частью групповой идентичности. Однако, эта модель культуры должна быть поддержана и властными структурами, точнее институциональными формами правления<sup>119</sup>.

*Модель человеческого разнообразия*, фундируемая рядом идей социологии постмодернизма и феминизма, рассматривала дискурс атипичности (инаковости) в форме индивидуальных особенностей стиля жизни, как свидетельство разнообразия телесных практик и построения иерархии нормы и «не нормы»<sup>120</sup>. Основным теоретическим базисом данной модели выступали идеи индийского философа Саркара, который продвигал идею безразличия к телесным аспектам личности, т.к. все человеческие существа имеют единый праисточник<sup>121</sup>. На уровне физического существования различия в телесных практиках являются уместными и естественными, что не является поводом к наделению атипичного тела ярлыком, аналогичный исход возникает и на уровне идеологической конструкции. Данная модель реконструировалась в юридическом аспекте, к

---

<sup>119</sup>Finkelstein V. Disabled People and Our Cultural Development // Dail (Disability Arts in London) Magazine, 1987. URL: <http://www.independentliving.org/docs3/finkelstein87a.pdf>. (access date: 12.05.2018).

<sup>120</sup>Caldwell-Cobbett A., Fassinger R. Broad of Educational Affairs Task Force on Diversity Issues at the Precollege and Undergraduate Levels of Education in Psychology // Disability as diversity: a guide for class discussion. American Psychological Association. 1998. URL: <http://www.apa.org/monitor/feb98/diverse.html>. (access date: 18.11.2018).

<sup>121</sup>Sarkar P. Theories of Individual and Social Transformation // Edited by Sohail Inayatulla. Gurukula Press, 1996. URL: <http://www.metafuture.org.Books/situatingSarkarTranscendingBoundaries.html>. (access date: 23.11.2017).

примеру, в «Законе США об инвалидах» и в «Законе о правах человека от 1993 года»: «Инвалидность является естественной частью человеческого опыта».

Итак, раскрытие вышеозначенных моделей в области нетипичной телесности как поэтапного процесса развития институциональных условий свидетельствует о постепенном переосмыслении политическими и иными структурами стигматизируемого меньшинства и постепенном продвижении от стратификационной политики, политики принятия, до включения людей, обладающих той или иной формой нетипичности в социальную среду. Проанализировав вышеуказанные периоды отказа от эйблизма в сторону инклюзивной культуры восприятия телесного аспекта следует отметить, что «ярлык» ставился в прямую зависимость от отношения общества к нетипичному, продвигая теорию стигматизации фигуры инвалида общество тем самым ставило проблему личности с ОВЗ в ее пропорциональную зависимость с отношением к этой личности. «Проблемы (у инвалидов в системе налаживания коммуникации с обществом, прим. авт.) вытекают из телесных недостатков», - говорит Т. Шекспир<sup>122</sup>. К. Барнс пошел дальше в своих рассуждениях, и выдвинул идею того, что для большинства канадцев и американцев состояние «ограниченной возможности» ограничено понятиями «людей с физическими/телесными недостатками», но «инвалидность» есть не только понятие биологическое (либо медицинское), это есть определенный социальный конструкт и термины «люди с инвалидностью» и «инвалиды» взаимозаменяемы по своей сути<sup>123</sup>. В этом заключается вопрос не только политкорректности как вытекающего обстоятельства, но причинной обусловленности главного концепта роли языка в процессе идентификации, а также самого вопроса типизации личности согласно определенным моделям.

Результатом анализа поэтапного формирования разнообразных моделей инвалидности становится утверждение касательно доказуемости нетипичной

---

<sup>122</sup>Shakespeare T. The social model of disability: an outdated ideology? // «Research in Social Science and Disability». Volume 2. P. 16-18.

<sup>123</sup>Barnes C. Disabled people in Britain and discrimination // London: Hurst and Co, 1991. P. 85-90.

телесности как социальной конструкции. Сложная взаимозависимость описанных моделей показана в ретроспективе как один из процессов социального конструирования нетипичности личности в институциональной области и перехода институтов социального контроля к гуманной культуре, отказу от эйблизма на основе фактического переосмысления обществом проблемы стигматизации инвалидов. Иными словами – наделяя нетипичность (инаковость) определенными смыслами, которые предписывает объекту общество, тем самым данный объект является уже социально-сконструированным. А если объект, в данном случае – нетипичная телесность, является социально-сконструированным церковью, государством, медицинскими предписаниями, то, следовательно, что выделенные с помощью данных структур модели инаковости несут институциональный характер. Установлено, что императив нетипичности, имеет свое начало в медикалистской модели социальных институтов, проецируя негативный аспект восприятия нетипичности как характерного знака «неполноценности» на отношение к индивиду в образовании, культурной среде и прочее.

## **2.2 Роль символических интеракций в процессах конструирования нетипичной телесности личности**

Итогом развития философской мысли XX века на данный момент является имманентная способность человека существовать в рамках символического мышления и взаимодействия с природой, другими людьми и социумом. К примеру, академик РАН В. С. Степин отметил первостепенность субъекта с его ценностными установками в постнеклассической рациональности<sup>124</sup>. Вследствие перестановки акцентов в постнеклассической научной парадигме мышления личность является уже неотъемлемым элементом открытых самоорганизующихся систем<sup>125</sup>. А, следовательно, присутствует в пространстве социальных интеракций в качестве

---

<sup>124</sup>Степин В. С. От философии науки — к философской антропологии // Познающее мышление и социальное действие / под ред. Н. И. Кузнецовой. М., 2004. С 25 –30.

<sup>125</sup>Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства: монография / Н.А. Лукьянова; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2010. С. 112.

действителя. Одновременно на личность оказывают воздействие символы, создаваемые в процессах социокультурных коммуникаций. Примером может послужить семантика татуировок у различных народностей, выражающая принадлежность к клану, семье или отражающая различного рода сакральные смыслы, призванные социализировать тело, подвергаемое татуировке.

Вследствие этого мы приходим к выводу о влиянии символических интеракций на личность в процессах формирования представлений о нетипичном теле. Особенностью символических интеракций является то, что человек не просто использует символы, он их интерпретирует и одновременно придает значение действиям другого человека. В своих рассуждениях автор опирается на работу Г. Блумера «Общество как символическая интеракция». Для целей данного исследования важным выводом, который делает Г. Блумер, ссылаясь на исследования Дж. Мида, является утверждение о том, что в своей жизни каждый из нас ориентируется на значения окружающих его вещей<sup>126</sup> (например, на стоимость телефона в руках у знакомого, указывающего на его статусность, или на красивую внешность партнера, как символ самоутверждения в глазах других), мы придаем значение действиям, которые нас окружают. Тем самым процесс формирования значений включен в символическую интеракцию действий множества людей. Процесс функционирования символических интеракций для Г. Блумера связан с интерпретацией между стимулом и реакцией (Дж. Мид). В этой интерпретации человек формирует значения и тем самым конструирует свои действия, то есть действия не просто протекают.

Однако, с точки зрения автора, при решении вопроса о роли символического опосредования в процессах конструирования нетипичной телесности личности в обществе уместнее ориентироваться на символическую концепцию американского исследователя Сьюзан Лангер. В силу того, что в символическом интеракционизме С. Лангер рассматриваются такие структурные характеристики как «социальные роли» или «социальная стратификация», определяющие ситуации в которых люди

---

<sup>126</sup> Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М. : Издательство Московского университета, 1984. С. 174.

действуют. При этом не дается понимание того, как человек использует символ, чтобы выразить себя в процессах конструирования собственно тела, в целом, и нетипичной телесности, в частности. Кроме того, в работах С. Лангер подчеркивается значимость эстетического восприятия, что задает определенный горизонт инференциальных возможностей, в рамках которых, с помощью символов человек конструирует себя в обществе.

Основной принцип философии С. Лангер строится на символическом характере познавательной деятельности человека. Согласно ее концепции человеческий разум способен не только овладевать символами, воспринимать их, но и создавать новые символы как интеллектуальные конструкции. С. Лангер предлагает рассматривать проблематику конструирования мира с точки зрения дискурсивных символических и презентативных форм<sup>127</sup>.

Акцентирование внимания С. Лангер на визуальных формах презентативного символизма философии познания опирается на гештальтпсихологию К. Коффки и В. Кёлера. Вербальная же символика С. Лангер основывается на идеях «Венского кружка» Р. Карнапа, Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Вслед за Э. Кассирером С. Лангер говорит о том, что человек является «символическим животным»<sup>128</sup>, которое производит символы и именно с помощью символических процессов познания сам мир являлся сконструированным самим человеком.

С. Лангер разделяла символизм на дискурсивный и презентативный. Основой дискурсивного символизма считался язык как предикат логического мышления: «Я считаю, что отношение между структурой слов и их значением является одной из логических аналогий, посредством чего, как сказал Л. Витгенштейн, «мы делаемся изображениями фактов»<sup>129</sup>. Таким образом, язык является одним из способов философской рефлексии относительно каких-либо объектов исследования и позволяет мыслить мир вокруг нас (в том числе и телесность – прим. авт.) в контексте заданных языковых конструкций. Дискурсивность такого метода

---

<sup>127</sup> Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства: Пер. с англ. С.П. Евтушенко. С. 95.

<sup>128</sup> Там же. С. 78.

<sup>129</sup> Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. С. 240.

познания заключается в линейности, как в способе выстраивания идей, целой цепочки мыслительных процессов в ряд с помощью символических языковых конструкций. И, любое знание выходящее за рамки того, что можно передать с помощью слов, С. Лангер называет недискурсивным, т.е. не вписывающимся в общий синтаксис.

Вслед за дискурсивным символизмом С. Лангер был выделен презентативный тип познания, который основывается на визуальных формах, выраженных в ритуалах, мифах, сновидениях и т.д. Картины, звуки, визуальные формы репрезентации не имеют, по мнению С. Лангер, своего синтаксиса и поэтому не могут быть «переведены», так как не имеют под собой логического обоснования. Если дискурсивный символизм познания является вербальным, то областью презентативного символизма являются чувственные значения и визуальные формы. Таким образом, установлено, что представленные способы обозначивания объектов мышления являются и способами конструирования мира.

Можно провести некоторую аналогию с позицией социального конструкционизма, где вторым «уровнем сведения» является наличие второго типа социальной конструкции – конструирование абстрактных понятий, с помощью которых социум наделяет объект какими-либо абстрактными, метафизическими реалиями, это может быть, как дискурсивный, так и презентативный символизм. В такой интерпретации, символические интеракции определяют то, чем для нас является реальность, а не просто отражают ее. В этом случае визуализация нетипичной телесности, происходит в процессе наделения смыслами объектов мышления через образность (процесс придания предметам и объектам смысла с помощью иконических, невербальных знаков) и язык (вербальных характер фиксирования смыслов). Символические формы создают мир вокруг нас, открывают для человека представления о нем самом.

В силу вышесказанного, рассматривая роль символических интеракций в процессах конструирования нетипичной телесности, установим уровни их сведения, что позволит раскрыть условия формирования представлений о

нетипичности как знаний о теле (нетипичном теле), реализующихся посредством различных систем знаков и создающих ощущение «инаковости».

Учитывая предыдущий опыт разделения институциональных условий конструирования нетипичности на «этапы», автор исследования не будет отходить от данной традиции и в данном параграфе проведя условное разделение самих символических интеракций на три категории: а) «возможность» существования или внутреннее ощущение личности относительно наличия инаковости в социуме; б) символическое означивание нетипичности; в) самостоятельное конструирование нетипичности, наличие отличительных черт, которыми сообщество наделяет себя инструментально.

Факт того, что социокультурная среда для личности XXI века является визуально-ориентированной, ни для кого не является секретом. В основе современного представления о мире лежат визуальные образы, символы, репрезентирующие представление о реальности<sup>130 131</sup>. В зарубежных научных кругах все больше начинают актуализироваться исследования, посвященные изучению образов атипичного тела в искусстве, культуре в попытках противодействию эйблизма<sup>132</sup>.

Раскрывая первый уровень сведения следует указать на концептуализацию значений образа тела в искусстве, о которых говорили М. Фуко, Б. М. Величковский. По сути, первый уровень сведения, это осознание *телесности вне предделения* на типичное, нетипичное. Это условие, при котором значимым становится различие «инаковости» в социуме, определение его места и роли. Однако причина такой инаковости до конца не осознается, но с помощью концепции презентативного символизма (С. Лангер) возможно найти этому разумное объяснение. Презентативная символика, позволяющая ощутить

---

<sup>130</sup>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. // М.: Издательский центра «Академия», 2006. С. 159–165.

<sup>131</sup>Виноградов П. Н. Психологические условия формирования визуальной культуры личности // Экология визуальности и изобразительное искусство. СПб., 2006. С. 80.

<sup>132</sup>Шлыкова С.П. Трансформация телесности как абсурдное претворение трансгрессивной практики современного искусства // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XXV междунар. науч.-практ. конф. № 9(22). Новосибирск: СибАК, 2013. С. 145.

отличность атипичного тела, есть картина-образ, которая зачастую непереводаима в дискурс. Нетипичная телесность, при этом, также является символической формой представления о теле человека, о чем неоднократно упоминал М. М. Бахтин, а также итальянский теоретик культуры, философ, специалист по семиотике У. Эко в своем знаменитом труде «История уродства». Осмысление места и роли атипичного тела в культуре, отношение человека к этому телу, влияние телесного бытия на человека как субъекта и объекта культуры также проходит через «фильтры» культуры<sup>133</sup> и социума, активно используя практики телесно-визуального самовыражения. Это своего рода «запись норм и законов своего общества»<sup>134</sup>.

В этой связи работы итальянского семиотика У. Эко приобретают особое значение, поскольку именно в его работах были описаны яркие примеры существующих механизмов ощущения нетипичности тела и его отличности от норм, предлагаемых социумом, в том числе в терминах визуальности в определенной последовательности этапов.

Работы У. Эко представляют возможность для осознания того факта, что знак, символ имеет конвенциональную природу и тем самым социокультурная среда, которая предопределяет отношение человека к тому или иному предмету, условно дает человеку *определение того, что является стандартом, нормой телесности*, а что, выходя за эти рамки, вносит *дисбаланс* в общее понимание тела как объекта восприятия. К примеру, У. Эко, придерживаясь принципов Ч. Пирса, также разделял формы опыта восприятия предмета/символа /знака на Firstness (англ. Первичность. – Прим. автора), Secondness (англ. Вторичность. – Прим. автора) и Thirdness (англ. Третичность. – Прим. автора), но пытался по-новому взглянуть на исходное понятие Ground (англ. Основа. – прим. авт.) Ч. Пирса<sup>135</sup>. У. Эко говорит о том, что в теории Ч. Пирса Ground, аналогична понятию Первичность и является базовым понятием для определения не онтологического, а гносеологического характера субъектно-

---

<sup>133</sup> Колесник М.В. Телесность массовой культуры: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.13 / Колесник Михаил Васильевич. Омск, 2007. С. 6.

<sup>134</sup> Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex”. New York and London: Routledge. 1993. P. 115.

<sup>135</sup> Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. Пер. с итал. О.А. Поповой-Пле. М.: Академический проект, 2016. С. 124



объектного восприятия. Это не есть *суждение об объекте*, а скорее *предикат*, схожий с *признанием понятия* (как в случае с ответным неконтролируемым выражением реакции на удар). Вся суть умозаключений «позднего» У. Эко сводилась к попытке (или уже осознанному признанию) «разоблачения» антикартезианской полемики Ч. Пирса относительно инференциональности всего знания. Исследователь приводил в пример случай домохозяйки из рекламы, которая на начальном этапе полагала, что ее простыня белая («чистое сознание», Firstness); затем, перейдя к сравнению двух простыней (осознание предмета, Secondness) через ряд умозаключений (Thirdness) пришла к *осознанию*, что вторая простыня является более белой. Т.е. то, чистое качество, которое имело место быть в начале, осталось в подсознании, и, перебрав в голове несколько вариантов, домохозяйка выявила *предикат* белизны. «Одно дело, - говорит У. Эко, – ощущать предмет белым, еще не осознавая, что это нечто вне сознания, другое же дело выполнять предделение, в результате которого предмету продуцируется качество белизны»<sup>136</sup>.

Как если бы общество *выявило предикат телесности*, на основе сравнения различных вариантов изображения телесных практик. И при этом никто не смог бы осознать *телесность вне предделения* на типичное, нетипичное. Таким образом, эстетическое восприятие тела задает определенный горизонт инференциональных возможностей, в рамках которых, с помощью символов, конструируется новая предметность (тело «нейтральное», но при этом задающее какую-либо норму, осознание человеком наличия «нормы» или «не нормы»). Основное значение идей У. Эко заключается в применении семиотического анализа к культурным контекстам (в которых рассматривается и нетипичная телесность, как культурный феномен, не относящийся к простой позиции «красоты»). Он создал культурно-философскую концепцию, с разработанным семиотическим инструментарием, который позволяет раскрывать имманентные механизмы культурных текстов<sup>137</sup>. Сравнивая в своих работах ключевые семиотические теории Ч. Пирса и Ф. Соссюра, У. Эко в анализ визуальных процессов активно включает процессы

---

<sup>136</sup>Там же. С. 487.

<sup>137</sup>Лукьянова Н.А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства: С. 105.

коммуникативные. «Семиотическое исследование представляет собой такое исследование, в котором все феномены культуры рассматриваются как факты коммуникации и отдельные сообщения с кодом»<sup>138</sup> и «культура – есть по преимуществу коммуникация»<sup>139</sup>. Данный факт является важным в силу того, что именно в коммуникациях формируется различие красоты и уродства.

В работах У. Эко через призму различных культурно-социальных эпох описаны условия возникновения понятий «безобразного» и «прекрасного» посредством анализа изобразительного искусства и нарративных источников. На этом уровне ощущений, как отмечает У. Эко, важно понимание, того, что есть прекрасное и что есть безобразное. Это и есть продуцирование «качества белизны»<sup>140</sup>. Такое качество в отношении тела формируется в процессах закрепления представлений об эталонном теле, когда любая отличность от нормы существует на уровне восприятия. Восприятие рассматривается как «чувственное познание, субъективно представляющееся непосредственным, предметов (физических вещей, живых существ, людей) и объективных ситуаций (взаимоотношения предметов, движений, событий)»<sup>141</sup>. В данном случае восприятие качества «уродливости» как некоего знания о норме определяло дальнейший способ коммуникации. Еще О. Шпенглер в классической работе «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории» писал: «Рождение и закрепление тела-канона в качестве исторической телесной нормы (этической, сексуальной, анатомической, социальной и политической) находится в зависимости, прежде всего от тела, которое познано, от тела-знания»<sup>142</sup>, то есть другим словами можно сказать, что тело-канон закреплено и изначально вплетено в социальную и культурную среду и детерминируется исторически. Как говорит В. А. Подорога, «...я могу обладать своим телом лишь при условии, что оно будет соотнесено в образах внутреннего переживания с идеальным телом Другого, телом-

<sup>138</sup>Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 44–45.

<sup>139</sup>Там же. С. 247.

<sup>140</sup>Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. 2016. С. 487.

<sup>141</sup> Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.121–122.

<sup>142</sup>Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1998. С. 115.

канон»<sup>143</sup>. М. М. Бахтин в своем труде «К философии поступка» считает, каждая норма должна быть обоснована какой-либо соответствующей наукой: логикой, биологией, эстетикой, социальной наукой<sup>144</sup>, так, как по-нашему мнению, должна быть обоснована «не норма» телесности. Тем самым восприятие, являясь знанием о мире, обеспечивает первичный контакт с ним и дает нам представление о нетипичности тела.

Далее, происходит уже второй уровень сведения символического опосредования нетипичности, в рамках которой социумом уже конструируется непосредственная граница между «нормой» и «не нормой» телесности. В этом случае восприятие становится уже не просто знанием о красоте и уродстве, а категоризируется и структурируется в социальных интеракциях. К примеру, по мнению В. А. Подороги, тело дается нам уже в горизонте того исторического выбора, который сделали за нас Другие<sup>145</sup>, следовательно, ощущение своего тела, себя в данном теле, невозможно без культурно-исторических конвенциональностей, которые задают моральную и визуальную канонизацию телесности. «В отличие от тела-объекта тело канонизированное играет роль *идеального тела*, вневещного и бессмертного...и это соотнесение себя с внешним себе телом, идентификация с ним в подавляющих случаях остается неосознаваемым, совершенно автоматическим и бессознательным процессом»<sup>146</sup>. Каждый социум и каждая культура в совокупности имеет в себе *некие представления о канонах телесности*, и, в связи с этим имеет заданные нормы понятия тела (красивого, больного), его интерпретации и т.д.

Стоит отметить, что граница между «нормой» и «не нормой» является динамичной категорией. Как отмечал У. Эко в трактате «История уродства» само понятие «нормы» относительно телесности в разные хронологические периоды воспринималось по-разному, поскольку собственно граница также является

---

<sup>143</sup> Подорога В. Феноменология тела: Введение в филос. антропологию. С. 85.

<sup>144</sup> Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 511. URL: [http://www.kuchaknig.ru/show\\_book.php?book=177499](http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=177499) (дата обращения: 05.12.2017).

<sup>145</sup> Подорога В. Феноменология тела: Введение в филос. антропологию. С. 156.

<sup>146</sup> Подорога В.А. Полное и рассеченное. Психология телесности между душой и телом / ред. –состав В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2005. С. 116.

социально-сконструированным объектом, вплетенным в коммуникативное пространство символов. У. Эко писал: «Европейцу ритуальная африканская маска может показаться ужасающей, а для туземца она, возможно, олицетворяет добрую сущность. И наоборот, человеку, исповедующему какую-нибудь неевропейскую религию, может быть неприятен образ истязаемого, окровавленного, униженного Христа, в то время как у христианина его телесная неприглядность вызывает сочувствие и умиление»<sup>147</sup>, и в нашем случае мнение У. Эко является обоснованным, так как в процессе объективизации телесности происходит осознание того факта, что телесность является многомерным аспектом и каждый новый дискурс (медицинский, культурологический или социальный) лишней раз привносит новое понимание о нетипичных телесных практиках.

Представления о границе «нормы» / «не нормы» в значительной степени зависят от социально-культурной составляющей дискурса. Изучая исторический базис и культуру каждого народа можно определить, насколько глубинными и явными являются представления о норме телесного в данной среде.

Кроме того, что ключевой характеристикой границы «нормы» / «не нормы» в отношении телесности является его потребность в визуализации. «Стандарт» тела закладывается посредством визуальных образов и репрезентируется в символических формах. Опираясь на феноменологическую составляющую восприятия по В. А. Подороги можно вывести идейный принцип субъективизации границы «нормы» / «не нормы» через собственное восприятие «Я - Другой», как один из способов универсализации окружающего мира, в котором обязательно должна присутствовать мера всему «неравному», «чуждому»<sup>148</sup>.

Например, структурирование восприятия нетипичности восходит к античной культуре, где было характерно внимание к опыту собственного тела, в отличие от современного опыта опосредования тела в качестве внешнего объекта. Совершенство выразительных форм античной скульптуры смещает потенциал оценивания тела, к центру «формы», нежели оценки «содержания». «Античная

---

<sup>147</sup>Эко У. История уродства. С. 10.

<sup>148</sup>Подорога В. Феноменология тела: Введение в филос. Антропологию. С. 105.

статуя во всей своей роскошной телесности, сплошная структура и выразительная плоскость, лишенная какой-либо нетелесной подоплеки, без остатка исчерпывает для античного взгляда то, что называлось действительностью. Материальное, зримо ограниченное, осязаемое, непосредственно наличное – к этому и сводятся все признаки названного способа протяженности. Античная Вселенная, космос, хорошо упорядоченное множество всех близких и вполне обозримых вещей замыкается телесным небосводом»<sup>149</sup>. Таким образом, античный канон телесного бытия сводился к восприятию именно внешнего горизонта тела, представленного в идеальном Аполлоне Бельведерском Леохара (динамическое проявление идеала эллинского божества). Но при этом в истории сохранился другой опыт тела-канона и, следовательно, другой опыт отношения к телесному. В классической античности (5-6 вв. до н.э.) можно наблюдать двойственность эллинистического образа телесности посредством формирования безмятежного свободного человека-гражданина, *владеющего телом раба*, и тела-раба, *который не владеет своим телом*. Посредством этого можно наблюдать раздвоение на: тело-канон античного грека (которое мы можем усмотреть в образцах скульптуры «Гермеса» Праксителя) и репрезентацию *латентного* образа раба, тела, которое спасает себя посредством услужения своему господину, так как у рабов тело отвечало за все грехи и подвергалось наказанию, но тело свободного человека не придавалось наказанию, даже в случае его реальной провинности.

О. Шпенглер говорил о том, что «интуитивное понимание телесного» заложено в античном опыте восприятия гармонии телесного и духовного, и именно в этом состоит философская мифология телесности. Разные типы феноменологического горизонта О. Шпенглер выражает следующим образом: «Обнаженная фигура и портрет относятся друг к другу как тело и пространство, как мгновение и история...как мера и отношение...Апполонический язык форм вскрывает ставшее, фаустовский – прежде всего становление»<sup>150</sup>. О. Шпенглер, хоть и немного неосознанно, но применял теорию *прасимвола* к телесному,

---

<sup>149</sup>Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. С. 340.

<sup>150</sup>Там же. С. 258.

связывая символы культуры, выразившиеся в произведениях искусства, с теми или иными явлениями, которые также понимались наглядно и оформлено, как и человеческое тело.

У. Эко, в своих исследованиях об иконическом кодировании визуальной культуры кинематографа, говорил о том, что нетипичные практики тела берут свое начало в эпохе Возрождения, где здоровое тело играло важную роль общественной жизни, репрезентируя тем самым канон телесного в искусство. В отечественной социокультурной мысли Е. Р. Ярская-Смирнова также отмечает факт наличия типизации по определённому признаку в аспектах телесности: «В большинстве случаев соотнесение себя с внешним телом и идентификация с ним осуществляется неосознанно: следуя нормам идеального тела, мы дисциплинируем себя, различая правильные и неправильные использования человеческого тела. Именно телесный канон указывает, что можно, а что нельзя, что является нездоровым проявлением, а что пристойным и желательным, что является преступным и воплощает зло, а что выражает собой доброе, чистое, необходимое»<sup>151</sup>.

Именно такое понимание «не своего» тела обуславливают человеческое поведение относительно нетипичности, когда коллективные представления, выработанные социумом самостоятельно (культура, право, искусство, религия) и представление о «нормальном типе» (входящим в эти коллективные представления) может способствовать укреплению социальных связей либо приводить к аномалии<sup>152</sup>. Таким образом, агентом социального контроля можно назвать сам социум, который осуществляет дисциплинарные ритуалы «типизации», подразделяя индивидов на «типичных» и «нетипичных» представителей. Девиантные формы символического же универсума человека подразделяются, таким образом, на группы, стратифицируя их по определенному признаку<sup>153</sup>. Подобную точку зрения разделял и А. Шюц, говоря о социальном происхождении конструкторов здравого смысла, которые типизируют как саму

---

<sup>151</sup>Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности Информационный бюллетень РФФИ. С. 24.

<sup>152</sup>Durkheim E. The Rules of Sociological Method // Simon and Schuster, 1982. P. 98 –110.

<sup>153</sup>Cantor, N. Constructive cognition, personal goals, and the social embedding of personality // L. G. Aspinwall & U. M. Staudinger (Eds.), A psychology of human strengths, 2003. P. 52.

личность, так и отношение к «Другому». Конструкты, посредством которых происходит типизация, также могут пройти стадию институализации и могут вырасти в форму социального контроля посредством приписывания абстрактных понятий к категории нетипичности, как к чему-то, подлежащего остракизму.

К примеру, скарификация, клеймение тела изначально носило определенную смысловую и символическую нагрузку в любой культуре (особенно традиционной). Обрезание, практикуемое древними египтянами (символизирующее собой змею, которая сбрасывает кожу для последующего перерождения) обратилось в стандартную ритуальную практику в иудейской традиции веры в Яхве и его законы, которые существуют и по сей день практикуются в Северной Америке, исламе и иудаизме. В данном случае нанесение увечий телесному не несет медицинский показаний, а носит чисто религиозный характер, так как в данном контексте – это форма модификации тела с целью принятия веры и привязывания человека к определенной касте, а также – приобщение собственного тела к «телу-канону». Телесные увечья, скарификация меняют психику аналогично, как и тело<sup>154</sup>.

Что приводит нас к выделению третьего типа сведения символического опосредования нетипичности, в рамках которой инаковость сама становится инструментом конструирования. Это именно тот уровень, на котором символы определяют, почему этот мир является «нашим», а почему нет, поскольку человек, в самом широком смысле обитает в символическом универсуме. На этом уровне символы, приобретаемые в процессе социализации, формируют личность и ее социальные действия, и именно благодаря символическим значениям и универсумам человек осваивает окружающий мир<sup>155</sup>. Культурная идентичность в плане определенного набора образов, знаков и языковых конструкций сама формирует себя в рамках субкультур, сообществ различных направленностей. К

---

<sup>154</sup>Раш Дж. Э. История культуры татуировок, пирсинга, скарификации, клеймения и вживления имплантов. СПб.: ИГ «Весь», 2011. С. 95.

<sup>155</sup>Мид Дж., Р. Мертон, Т. Парсонс, А. Шюц Американская социологическая мысль: тексты /: пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1994.С. 125–128.

примеру, говоря об инструментальном характере символических интеракций сообществ для обозначения своей идентичности в рамках субкультуры можно выделить наличие «определяющих» символов у движения представителей нетрадиционной сексуальной ориентации (радужный флаг, англ. «Prideflag» / «Freedom flag»). Данный символ на настоящий момент в современной культуре является интернациональным для обозначения ЛГБТ-сообществ и применяется для обозначения кварталов, заведений, сообществ, пропагандирующих либо приветствующих данную группу населения.

Подобный же символический характер имеет «International Symbol of Access» (от англ. – «доступность для инвалидов»), который применяется для обозначения конструкций, зданий, помещений, парковочных мест, которые приспособлены для посещения их лицам с ОВЗ. Хотя и данный символ имеет административную природу, тем не менее, он определяет или конструирует мир вокруг личности с нетипичностью в рамках доступности окружающей среды. Также происходит и непосредственное конструирование реальности внутри данной сообщества на основе символических представлений, где уже в рамках инвалидности имеются различные знаки, обозначающие доступность среды для инвалидов по слуху (с изображением уха), доступность для инвалидов по зрению (с изображением очков) и т.д. Другим примером может служить социальное движение феминизма – «bodypositive», целью которого является тотальное принятие своего тела и самопрезентация через телесные практики (в основном применяется женщинами с излишней массой тела и нестандартной внешностью), которое возникло на фоне дискриминации по принципу «внешней красоты». В этом случае, приверженцы концепции «bodypositive» визуально демонстрируют свою нестандартную внешность с целью самоутверждения и доказательств собственной полноценности и независимости от общепринятых стандартов красоты. Итак, сама предметность конструирует себя в символическом универсуме в рамках социальных интеракций.

Выводом данного параграфа является утверждение, согласно которому символические интеракции, являются необходимым условием, обеспечивающим процесс конструирования нетипичной телесности в силу того, что коллективное



участие в символическом обмене становится центральным элементом самоопределения, где личность, проходя через стадию типизации по телесному признаку, либо осознает собственную нетипичность, инаковость и вливается в общество либо дифференцируется от «чужаков». Изначально, в рамках символического опосредования универсума телесности, каждый социум и каждая культура в совокупности имеет в себе *некие представления о канолах телесности*, и, в связи с этим имеет заданные нормы понятия тела (красивого, больного), его интерпретации в коммуникациях. Далее, на основе культурной предопределенности или медиапространства, происходит конструирование понятия границы «нормы» / «не нормы», которая имеет динамический характер. В финальной интеграции роль символических интеракций имеет инструментальный характер, в рамках которого сама предметность нетипичности позиционирует себя с помощью символов, знаков и языковых сентенций.

### 2.3 Инкультурация нетипичности личности в массмедиа культуре

В развитии выше социально-философском анализе процессов конструирования нетипичной телесности через социальные отношения и символический обмен присутствует указание на единую идею – все условия существуют только в пространстве социальных коммуникаций. И в данном случае считается необходимым также определить специфику массмедиа в области непосредственного конструирования и инкультурации нетипичности. Неразрывная связь между социальными коммуникациями, которые находят свое отражение в средствах массовой информации, и системной организацией социума доказана в ряде работ Ж. Г. Тарда<sup>156</sup>, М. Маклюэна<sup>157</sup> и Г. Инниса<sup>158</sup>. *Инкультурация* же нетипичной телесности, как процесс усвоения личностью правил, норм поведения

---

<sup>156</sup>Тард Ж. Г. Законы подражания = (Lesloisdel'imitation): Пер. с фр. / [Соч.] Ж. Тарда. СПб.: Ф. Павленков, 1892. С.37–40.

<sup>157</sup>Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; Закл. Ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучковополе», 2003. С. 40–45.

<sup>158</sup>Innis H. A. The Bias of Communication. University of Toronto, 1991.P 15–20.

в обществе и культуре, является малоизученной, на данный момент, темой. Данные авторы указывали на тот факт, что формы социальных коммуникаций обладают системным характером, а значит и социальным системам имманентно присуща «коммуникативность». Автор диссертационного исследования исходит из теории функционирования общества (Ж. Г. Тард), в рамках которой исследовалась сама природа «социальных норм», которые можно соотнести с понятием «нормы» / «не нормы» телесности. Придерживаясь линии социально-коммуникативных действий индивидов в форме «подражания», на основании которых личность имитирует поведение, верование, обычаи, внешние аспекты репрезентации, следует раскрыть процесс инкультурации нетипичности личности, и установить взаимосвязь с символическими и институциональными условиями конструирования нетипичности.

Средства массмедиа, при этом, являются одним из важнейших инструментов транслирования смыслового поля данных конструкций, формирующих культурный пласт самосознания общества. Для определения специфики формирования относительно «не нормы» тела следует обратиться к коммуникативным практикам эпохи Возрождения, которые положили начало «формообразующей системе» визуального восприятия телесности человеком как в политической сфере, так и в сфере искусств. При этом развитие отношений внутри общества всегда сопровождается развитием процессов социальной коммуникации, интеракций внутри социума между разными группами, субкультурами, о чем неоднократно говорил К. Герген<sup>159</sup>.

Проблематика стратификации современного российского общества начинает освещаться в рамках социологического анализа С. А. Кравченко, В. В. Радаевой, С. С. Ярошенко, Е. Р. Ярской-Смирновой (социокультурный анализ нетипичности как момент социального включения детей-инвалидов). Концепция практик стратификации общества формируется в теории культурных изменений М. Вебера, М. Хайдеггера, В. В. Волкова и Л. Ионина. Дискурс относительно совокупных

---

<sup>159</sup>Gergen K. J. Social Psychology as History / K. J. Gergen // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 26, 1973. No. 2. P. 311–315.

форм познания, эпистемы и исторического бессознательного формируется М. Фуко.

Касательно того, насколько важны контексты в поле социокультурного мышления говорит третий тип социальных конструкций, в котором приписывание смыслов объекту строится именно на социальных значениях<sup>160</sup>, он же отражает специфику, в рамках которой возможно убедиться в том, как происходит формирование значений или усваивание смыслов о нетипичном теле в социокультурном пространстве. К примеру, наделение предмета дополнительными смыслами в культурном пространстве может служить вопрос священности некоторых животных (Индия, Китай, Древний Египет), где, в случае неверного обращения с, казалось бы, обычным животным (корова, тигр, кошка) можно было получить полнейшее порицание со стороны всего общества или даже быть подвергнутым смертной казни. Конечно, данные смыслы культивировались только в рамках закрытых культур и сообществ и не имели возможности распространяться. Но, с течением времени, трансляция культурных и иных паттернов получила свое развитие в рамках массмедиа.

Гуманистическое становление отношения к телесности человека в инкультурационном поле связано с диалогической концепцией бытия в коммуникативном пространстве. Теория «диалога культур», предложенная М. М. Бахтиным, получила свое дальнейшее развитие в учении Ю. М. Лотмана и других исследователей, где, по мнению М. М. Бахтина, соотношение себя с Другим происходит в процессе коммуникации, и в этом заключается сущность социализации (инкультурации). В авторскую концепцию нетипичной телесности важный вклад вносит идея М. М. Бахтина, в рамках которой *диалог «социальных языков» определяет процесс инкультурации индивида*<sup>161</sup>, т.е. процесс конструирования нетипичной телесности обуславливается теорией социальных конструкций.

---

<sup>160</sup>Труфанова Е.О. Субъект и познание в мире социальных конструкций. С. 15

<sup>161</sup>Бахтин М. М. К философии поступка. С. 100–101.

Недаром, многие исследователи относят понятие социального конструкционизма к зонтичному термину для ряда других направлений, в том числе для символического интеракционизма, где коммуникация внутри общества представляется в виде общения посредством культурных и иных символов<sup>162</sup>. Понятие социальной конструкции можно отнести и к расовому, сексуальному, гендерному и социальному аспектам, которые исторически детерминируются, благодаря включению образных и языковых составляющих, являющихся способами представления предмета в культурной среде. Идентичность личности, при этом, вопрос самоидентификации по телесному признаку остается в рамках «неясного конструкта» в силу того факта, что персональная идентичность находится в зависимости от уровня и условий взаимодействия с социумом. Зарубежные исследователи отмечают факт наличия конструкционизма в вопросах самоопределения человека по гендеру, социальному классу, а также по *способностям, которые обусловлены каждому в рамках данного социума*<sup>163</sup>.

В разные культурные эпохи понятия безобразного и прекрасного определялись по-разному и детерминировались в рамках конкретной культуры определенными символическими компонентами, декомпозируясь в социальные системы, доносят до «конечного зрителя» представление о «нормальном» и «ненормальном». Вписывая «телесное» в эстетику разных времен У. Эко в своем труде «История уродства» провел глобальный анализ эстетической мысли и сделал вывод о том, что о «безобразном теле» практически никогда не рассуждали (вопреки изучению прекрасного) подробно, а упоминали о нестандартности тела, внешности только вскользь. Зачастую определение безобразного тела давалось на основании социально-политических критерий, которые детерминировали восприятие телесности в соответствии с негативным или позитивным кодированием изображения, будь то картины, статуи, рисунки: «На самом деле по ходу нашей истории нам придется различать проявления безобразного в себе ... и формального безобразного — в котором наблюдаются нарушения органического

---

<sup>162</sup>Potter J. Discourse Analysis and Constructionist Approaches: Theoretical Background. P. 126.

<sup>163</sup>Anjali J. Forber-Pratt, Marianne P., Zape B.A. Disability identity development model: Voices from the ADA-generation. Disability and Health Journal. Volume 10, Issue 2, April 2017, P. 351

равновесия между частями целого. Представим себе, что по улице идет человек с беззубым ртом; нам не по себе не столько от формы его губ или немногих уцелевших зубов, сколько оттого, что рядом с сохранившимися зубами нет тех, которым следовало бы там быть. Мы не знаем этого человека, его уродство никак не затрагивает нас лично, и, однако, при виде ненормальности или нецелостности картины мы чувствуем себя вправе вчуже назвать это лицо безобразным»<sup>164</sup>.

Г. Гегель в своем трактате «Эстетика», сразу отказавшись от изучения прекрасного, утверждал, что история мужского уродства имеет свое начало в христианском искусстве, целью которого было показать врагов Христа наиболее отвратным для зрителя образом<sup>165</sup>. Традиционно, именно физическое проявление нетипичности служило для обозначения категории «врага». Гораций, Марциал и Катулл являлись авторами женских портретов, отражавших физическое уродство вышеозначенных как показатель дурного нрава (конструкция в чистом виде). Во времена декадентства, наоборот, отталкивающие взгляд формы вызывали наибольший интерес – примером служит стихотворение Ш. Бодлера «Падалль», в котором красота тела осмыслялась с позиции постепенно тлеющей, гниющей плоти. На заре же XX века немецкие художники выступали против устоявшихся форм «нормы» и писали портреты отталкивающих взор персонажей, как символ буржуазии, прогнившей в своей похоти и сладострастии.

Говоря об эстетическом восприятии образов У. Эко не говорил конкретно о телесности, но при этом он описывал различные концепции красоты (которая проявлялась и в телесном аспекте) и уродства, как две единые концепции, идущие параллельно в ретроспективном анализе. Например, утверждение прав телесности, примат человеческого над божественным, происходит во время эпохи Возрождения, когда персонажи романов и изобразительного искусства, которые во время Средневековья считались некрасивыми, становятся предметом славы и гордости («Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле), а в конце XIX века происходит

<sup>164</sup>Эко У. История уродства. С. 19.

<sup>165</sup>Гегель Г.. Сочинения: в 14 т. : Т. 12: Лекции по эстетике, Кн. 1 / Гегель; пер. Б. Г. Столпнера. М., 1938. С. 238.

культурная революция, в рамках которой уже провозглашаются все аспекты визуального представления телесности, когда непристойное использовалось для разрушения «табу».

Относительность восприятия феномена телесности отражается У. Эко через представление больных людей (людей, отличающихся физически от общепринятых норм) для противопоставления их «остальным», «нормальным»: «И наконец, неизменный ужас вызывали прокаженные и зачумленные, воспринимавшиеся как враги общества, ибо болезни их были неизлечимы и заразны»<sup>166</sup>. Важный вклад в современное восприятие человеком нестандартных телесных аспектов внесла псевдонаука – физиогномика, в рамках которой многие ученые с помощью «научных» методов и натурфилософских размышлений пытались доказать сопричастность душевных качеств к внешним характеристикам человека. Телесный аспект переносился на черты характера и говорил о якобы добродетельной или обезображенной душе, которая находила свое отражение в физическом «уродстве». Иоганн Лафатер был убежден, что душа и тело связаны между собой и внешность исторических деятелей прямо пропорциональна их внутреннему миру<sup>167</sup>.

Нередко изображениям объектов, которых надо было выставить в невыгодном свете (национальные меньшинства, евреи, афроамериканцы, инвалиды от рождения, карлики и т.д.) намеренно приписывались негативные черты характера через символическую демонстрацию этого «морального уродства» в политических целях: «Но самые безжалостные формы антисемитизм приобрел в XIX и XX веках, когда под него подвели «научную» расовую базу. В хронологическом порядке мы приводим тексты Вагнера (не исключено, что стереотип еврея лег в основу образа злого карлика Миме в цикле о Нибелунгах, которого наделяли иудейскими чертами такие иллюстраторы, как Рекхем), Гитлера — проповеди фашистского журнала «Защита расы»: нетрудно проследить, как в животной ненависти, с которой перечисляются особенности этого Врага,

---

<sup>166</sup>Эко У. История уродства. С. 185.

<sup>167</sup>Лафатер И.К. Физиогномика / И.К. Лафатер; пер. с нем. Н. Скородума. СПб.: Алетейя, 2018. С. 11.

проявляются психологические изъяны и непреодоленные комплексы самих авторов. Лицо, голос, жесты «безобразного» еврея становятся (и на сей раз всерьез) неоспоримыми признаками нравственного уродства самих антисемитов»<sup>168</sup>.

Далее, в процесс усвоения норм и правил по отношению к телесности (инкультурации), свой вклад вносит социальное конструирование тела в Новое время и сама визуальная составляющая тоже начинает меняться: феномен больного, «искалеченного» тела, который был возведен в абсолютную форму после окончания Второй мировой войны, наложил свое, «медицинское» понимание тела посредством репрезентации образов калек и инвалидов, неспособных к нормальному функционированию в обществе. К примеру, графика послевоенных лет, представленная в сборнике Геннадия Доброва под названием «Автографы войны» (представленная широкому кругу читателей на трех языках: русском, английском и немецком) ярко иллюстрирует тот физический, телесный отпечаток, который накладывает стигму «страдания» на инвалидов, потерявших части своего тела на войне или лишившихся рассудка<sup>169</sup>. Приводя краткую характеристику к иллюстрациям с изображениями инвалидов войны, автор описывает и те страдания, которые тело и душа конкретного человека претерпевают на данный момент, своеобразным образом вызывая единственный инстинкт – жалось к предикату (по У. Эко).

Совершенствование же аппаратного искусства позволило технически моделировать любые образы восприятия с помощью оптических иллюзий. Подобную иллюзию визуального восприятия можно проследить в рекламных кампаниях последних лет, которые стали отходить от «типичного» представления тела как косметико-атлетического базиса и акцентировать внимание не на увечьях личности (при рекламе параолимпийских игр, к примеру), а на идее индивидуального аспекта характера этой личности (выраженной в лозунгах мотивационной формы).

---

<sup>168</sup>Лафатер И.К. Физиогномика / И.К. Лафатер; пер. с нем. Н. Скородума. СПб.: Алетейя, 2018. С. 205.

<sup>169</sup>«Автографы войны» Геннадия Доброва // Военное обозрение, 2010-2019. URL: <https://topwar.ru/13880-frontoviki-karandashnye-risunki-hudozhnika-gennadiya-dobrova.html> (дата обращения: 27.05.2019).

Но, У. Эко предлагает отказаться от иллюзорности восприятия кино (ибо киноязык не является, по его мнению, репрезентантом реальности), а по возможности, стремиться к обнаружению за любым феноменом конвенцию, первичный фактор культуры, который в свою очередь может быть сведен к символу, а любая аналогия – к коду<sup>170</sup>. А так как кино является коммуникативной системой, то оно тоже использует свою некую систему кодировки и имеет в своем арсенале методы расшифровки информации. Освещая проблему трансформации визуального кода, У. Эко говорил о всеобщей проблематике данной темы для всех видов искусств, которые способны порождать полисемичные сообщения (картины, здания), и в пределах постоянного поиска расшифровки кодов мы можем рассмотреть «лжесвободу» самого искусства и культуры, тем самым загоняя ее в рамки, обозначая границы творчества.

Таким образом, резюмируя вышесказанную концепцию У. Эко, следует указать, что иконический знак не отображает свойства реального объекта, а лишь воспроизводит условия его восприятия, так как при рассмотрении изображения объекта наше подсознание/восприятие использует особый код узнавания (по У. Эко), распознавая или вызывая в памяти, опознанные ранее, виденные явления. С помощью некоего кода узнавания мы распознаем предметы, опираясь на наше *культурное пространство*. Используя культурную детерминированность кода, можно говорить и о различии в восприятии визуальных и языковых составляющих в рамках разных культур. При этом, если этот культурный код меняется с течением времени в средствах массовой информации и киноиндустрии, то первоначальные явные аспекты нетипичности тоже начинают меняться и само понятие «нормы» / «не нормы» *размывается*.

При ошибочном восприятии (если, допустим, нервные окончания были обмануты зрением, и в действительности увиденное не вызывает предполагаемых ощущений, как при ощущении красного, как раскаленного предмета, что таковым не являлось на самом деле), по логике, представленной У. Эко, индивид может

---

<sup>170</sup>Eco U. AA Theory of Semiotics // Bloomington: Indiana University Press, 1979. P. 59.



признавать в последствии, что его суждение, сделанное на основе сравнений было ошибочным. Как, допустим, это может быть применимо к телесному аспекту: иконография дизабилити, до последнего времени остающаяся в рамках предмета жарких дискуссий, с присущей ей стигмой инвалидности, как символа беспомощности, с недавних пор стала приобретать более толерантный характер, и в 2013 году рекламное агентство CAP 48 применило в концепции рекламы Wonderbra изображение женщины с ампутированной рукой. В начале рекламы зритель наблюдает привлекательную молодую женщину в бюстгальтере Wonderbra со слоганом: «Смотри мне в глаза!». На данном этапе можно отнести понятие привлекательной женщины на экране к понятию Вторичность, ведь зритель уже имеет в своем первичном опыте представление о женщине и на данном этапе он только может сравнивать ее красоту по отношению в общему стереотипу внешних данных женщин, т.е. это знание уже будет Вторичным. Но далее происходит нечто, что для зрителя может показаться шокирующим – в следующем кадре мы видим, что эта же женщина, которая хороша собой по всем аспектам и является сексуальной, имеет «небольшой физический недостаток» – ампутированную по локоть руку.

После увиденного стереотипность визуального «телесного» мышления, выстроенная на базисе трех феноменологических категорий, начинает последовательно рушиться. Это происходит вследствие того, что первичная реакция была ошибочной, так как индивид мыслил даже невидимые им части тела (которые в начале оставались «за кадром») в контексте частей целого, и оценивал женщину с точки зрения сравнения ее привлекательности (т.е. визуально-принятых в социуме «характеристик красоты»). Здесь же зритель начинает бессознательно переосмысливать увиденное им: «я ощутил красивым, стандартным, полноценным то, что изначально им не являлось». Но при этом как эти инференциальные процессы могут быть опосредованы опытом восприятия, если зритель до сих пор не имел возможности осознать, что нечто физически, телесно неполноценное может быть красивым? Подобная попытка противодействию эйблизма и снижению уровня «фальшивых» стереотипов восприятия телесного (его социального аспекта)

активно начинает приниматься в сфере социальной рекламы на Западе (частично – в России). И, возможно, в скором будущем, вопрос инкультурации как процесса усвоения норм (по отношению к телесности, в том числе) через само понятие «нормы» будет переосмыслен вследствие полного отсутствия понятия «нормы»<sup>171</sup>.

Тем самым, нам можно сделать вывод о том, что восприятие иконических знаков, «зашифрованных» в основах изобразительного и другого визуального искусства (так же, как и нарративного – как представителя «культуры» языка), воспринимается человеком и народной культурой как «стандарт» мировосприятия. И моделирующая система этих иконических кодов, в свою очередь, детерминирует отношение человека к изображению «нетипичного»: «...безобразное относительно и зависит от времени и культуры; то, что было неприемлемо вчера, может быть принято завтра, и то, что осознается как безобразное, может в соответствующем контексте способствовать красоте целого»<sup>172</sup>. Более того – релевантность телесного тоже стала претерпевать некоторые изменения, и сформированная ныне эстетика киберпанка дает нам новое понимание телесности – философию киборгов, где некоторые органы или части человеческого тела заменены на механические, это «самоусовершенствование» отражает символичность новой эпохи – эпохи преодоления гендерных различий (нейтральные «трансчеловеческие» тела Донны Харауэй) и физической «неполноценности».

Реакция социума на представителей с отличающейся от «стандартов» внешностью всегда носила неординарный характер. Даже репрезентация зрячего человека в произведении «Страна слепых» Герберта Уэллса показывает откровенное недоумение по отношению к главному герою со стороны большинства только на основании его физических качеств, отличающихся от остальных. Местные жители думали, что Нуньес или недавно родился или серьезно болен. «У него поврежден мозг, — решил слепой врач. — Болезнь поразила его глаза — они сильно увеличены, обросли густыми ресницами, веки на них дергаются, и от этого

---

<sup>171</sup>Русанова А. А. Образы нетипичной телесности в визуальной культуре / А. А. Русанова, Н. А. Лукьянова // Дискурс. 2017. № 4. С. 25.

<sup>172</sup>Эко У. История уродства. С. 200.

мозг у него постоянно раздражен, и мысли неспособны сосредоточиться. Для его полного излечения, — продолжал ученый, — требуется произвести совсем простую хирургическую операцию, а именно — удалить эти раздражающие тельца. Тогда он совершенно выздоровеет и станет примерным гражданином. — Да будет благословенна наука! — воскликнул старый Якоб и тотчас же пошел поделиться с Нуньесом своей счастливой надеждой...». Подобные сюжеты о столкновении с «другими», «инаковыми», телесно-маркированными культурами, нередко встречаются и в антропологии, и в художественной литературе, и в визуальных репрезентациях, где четко прослеживается грань между выстраиванием взаимоотношений — «мы» и «они».

Как говорил В. А. Подорога: «...человек видит как картезианское существо, через призму и знание видимого»<sup>173</sup>. В частности это проявляется в отношении к физически-видимой болезни человека (нетипичности), которая формируется в сознании людей с помощью культурных кодов определения инаковости, тем самым выстраивая политику инкультурации нетипичности в определенном ключе, но при этом, в рамках современной действительности, понятия «не нормы» начинают подменяться и если раньше человек мыслил в традиционных парадигмах («свой» / «чужой», «больной» / «здоровый», «норма» / «не норма»), то сейчас, ввиду активной пропагандистской политики дизабилити, понятие «не нормы» начинает размываться.

К примеру, М. Фуко, в своей знаменитой работе «История безумия в классическую эпоху» раскрыл восприятие феномена безумия в европейской культуре XVII-XIX веков и привел достаточную доказательную базу для размышлений о том, что в XIX веке происходит исторический разрыв в области концептуализации психических практик и обращения с психически больными и заявляет, что психиатрия сама создала психические болезни, т.е. понятие болезни само по себе тоже социально сконструировано. Данный тезис можно подтвердить любым примером, созвучным с историчностью форм человеческого опыта, например, в нынешнее время, спустя многие годы проведенной под декламацией

---

<sup>173</sup>Подорога В. Феноменология тела: Введение в филос. антропологию. С. 6.

различных форм демократии, для современного человека будет странным узнать, что в XV веке в Германии душевно больных людей было принято изгонять из города любыми средствами. Европейские города изгоняли всех, кто отклонялся от понятия «нормы», за пределы города либо сдавали матросам. «В Нюрнберге в первую половину XV в. было зарегистрировано 62 умалишенных; 31 человек было изгнано из города; за следующие пятьдесят лет...еще 21 человек не по своей воле покинул город», – пишет М. Фуко. Признаки социальной стратификации общества в ту эпоху отражаются в таких примерах, как невозможность посещения церкви душевнобольным человеком, хотя согласно церковному праву душевнобольной мог исповедоваться и причащаться<sup>174</sup>. На данном примере можно убедиться в динамике инкультурации в отношении душевнобольных – приобщая какую-то категорию людей к культуре, мы тем самым провозглашаем «открытость» системы, но и меняем сам «код» в рамках которого мыслится личность («прокаженный» - необходимо избавиться, «психически не здоровый» – необходимо принять и лечить).

Объяснение социальных проблем, при этом, сводится к описанию симптоматики поведения или особой «культуры», которая удерживает ту или иную группу на ее социальной позиции. Тем самым усилия направляются на изоляцию индивидов и групп, как это делалось в середине 1990-х годов в советах родителям, опубликованных в журнале «Социальная защита». Образ индивида с нетипичной телесностью представлял человека «с ярко выраженным уродством», «имеющего признаки деформации личности не только из-за своей внешности, но и из-за неспособности создать семью», «постоянно находящегося дома», чье поведение порой «носит несколько оживотненный характер». Что касается здоровых людей, они, как утверждалось, «неверно обращаясь с инвалидами... подбадривают их, утверждая, что физический недостаток не мешает общению с другим полом, не понимают, что... для больного человека куда полезнее было бы общаться с себе

---

<sup>174</sup>Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 25–26.

подобными»<sup>175</sup>. А определения семей, матерей и детей как «неблагополучных» дискурсивно соседствуют с диагнозами и предложениями о стерилизации<sup>176</sup>.

Лосев А. Ф. также утверждал, что тело «есть объект естествознания, которое подвержено влиянию социальной жизни, которые модифицируют его проявление», т.е. социум, равно как и один из его инструментов – культура, детерминируют тело в рамках, заданных парадигмальных структур, в частности – в рамках определенных механизмов воздействия на подсознательную область восприятия человеком инаковости (через массмедиа).

Неотъемлемый вклад в визуальное представление нетипичной телесности в искусство отмечают и современники, такие как В. М. Сорокин, зав. кафедрой психологии развития личности, доцент кафедры специальной психологии Санкт-Петербургского Государственного Университета: «Литературные и живописные образы инвалидов, в определенной мере, могут служить иллюстрацией отношения общества к ним в разные периоды истории, безусловно, преломленные через индивидуальное мировоззрение художника, преобразованные масштабом его таланта и стремлением в обобщенно-философской форме рассказать о чем-то принципиально важном в бытии человека»<sup>177</sup> (т.е. перенося собственное бытие, в философском его понимании, на образ, который впоследствии усваивается некоторыми членами общества как «норма по отношению к...»).

Суть рассматриваемого явления заключается в утверждении, что в каждом конкретном социуме существует собственная система ценностей, норм и табу, и данная, налаженная веками, система ценностей и коммуникационных норм общения и поведения, диктовала условия восприятия нетипичной телесности. Однако, непосредственно в коммуникативном пространстве массмедиа происходит перемена в области отношения к нетипичному, в рамках которой в силу

---

<sup>175</sup>Левченко И. Путь к себе. Советы психолога // Социальная защита. 1995. № 1. С. 82.

<sup>176</sup>Ярская-Смирнова Е.Р. Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности / Под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 2.

<sup>177</sup>Сорокин В. М. К проблеме художественной репрезентации дизонтогенетических феноменов и социально-психологических установок общества по отношению к инвалидам в стереотипах живописных произведений (на примере картины Г. М. Коржова «Беседа» // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2011. Вып. 4. С. 238.

существующей глобальности, стандарты «красоты» и «уродства», как и «нормы» и «не нормы» телесных практик размываются и не имеют более четкой границы.

Благодаря энтропии информационного характера, которая закладывается в телесность в соответствии с «нормами» эпохи, окружения и так далее, тело человека не является более только природным объектом, а находит свое отражение в коммуникативных практиках XX века, при этом привнося двойственность в понимание «нормы». Для раскрытия проблемы влияния социально-культурного контекста на знание о нетипичном теле, следует обратить внимание на непосредственные примеры, в рамках которых формируется мнение о нетипичности, а также происходит инкультурация нетипичности.

Медикалистская интерпретация нетипичности имеет свое выражение в художественной репрезентации болезни как формы страдания индивида и, соответствующую, недееспособность. Подобное характеризуется подчеркиванием стигматизации фигуры инвалида в обществе (М. Оливер, Г. Хьюджес, С. Лонсдейл) через демонстрацию «недееспособных» персонажей в кино и плакатном искусстве, а также полным отсутствием людей с нетипичностью в визуалистике СССР и стран Запада вплоть до 70-х годов XX века. Социальный статус личности веками оценивался по наличию или отсутствию нетипичности в образе. Так, например, Франклина Д. Рузвельта очень редко показывали в инвалидной коляске (в молодости он перенес полиомиелит, вследствие чего его ноги были парализованы), так как американское президентство малосовместимо с инвалидностью, подобного рода *символом физического бессилия*. Стереотипность мышления относительно людей с ОВЗ закладывалась с течением времени и благодаря печатным средствам массовой информации. Например, в 1932 году была опубликована книга «Хромые, слепые, искалеченные: жизненно важная роль медицины в истории цивилизации» Х. Хаггарда<sup>178</sup>, которая была нацелена на широкую аудиторию среднестатистических читателей и ею однозначно была проделана большая работа по внедрению в массовое сознание ложных стереотипов

---

<sup>178</sup>Haggard H. W. The Lame, the Halt and the Blind: The Vital Role of Medicine in the History of Civilization. P. 256.

относительно индивидов с нетипичной телесностью. Автор данной книги пропагандировал идею о том, что люди с ОВЗ являлись проблемой для общества и с помощью «прогрессистских идей» создавал контраст между «темными веками» Средневековья и «победным шествием медицины со времен Просвещения и до его дней».

Барьеры в приобщении индивида к культуре прослеживались также в отсутствии титров или сурдоперевода в кино и новостных лентах, в отсутствии языка Брайля в печатной индустрии, а также в области киноискусства в процессе стратификации и разделения на «свой» и «чужой» в кинокартинах 90-х-начала 2000-х годов<sup>179</sup>.

По словам М. М. Бахтина телесность базируется на внутренних потребностях тела и внешней оценки, которая является призмой, через которую мы получаем либо даем оценку человека<sup>180</sup>. Социальные отношения внутри каждого общества транслируются с помощью языка, и социум также самостоятельно конструирует понятие «инвалид» через языковые клише. При этом репрезентации в определенном ключе или социально-культурном коде, могут работать на совершенно разном направлении.

Начиная с начала XX в., за рубежом у политических структур возникает осознание стратификации по телесному признаку, и с началом этого «перелома» происходит изменение социокультурных аспектов репрезентации телесности в культурной среде. К примеру, картина Г. М. Коржева «Беседа» (1975-1985 гг.), отражающая попытку нивелирования стереотипности репрезентации слепоты.

Также, отрицательное отношение сложилось у телезрителей после просмотра телесериала «Ironside» (1967-1975), где Раймонд Берр (актер, не имеющий паралича нижних конечностей) играл роль детектива в инвалидном кресле. Многие известные личности, обладающие нетипичной телесностью, сравнивали данный акт с театральным приемом «Blackface», в рамках которого персонаж европейской внешности специально красил лицо чёрной краской с целью насмешки над лицами

---

<sup>179</sup>Campbell J., Oliver M. Disability Politics: Understanding Our Past, Changing Our Future // London: Routledge, 1996. P. 26 –30.

<sup>180</sup>Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества: монография. С. 115.

афроамериканской внешности. Некоторые же авторы отметили, что не замечали «инвалидности» героя, т.к. во всем повествовательном строе она не имела никакого существенного значения <sup>181</sup>. Сами индивиды, обладающие нетипичной телесностью, в разговоре уже противопоставляют общество «не инвалидов» социальной группе «инвалидов»: «Поэзия помогает мне жить в *вашем* обществе, и я хочу быть обычной. Мои стихи это ниточка между *вами и мной*», говорит Софья Шаталова (инвалид с детства, аутизм) <sup>182</sup>. В этой связи раскрывается противоречие, отражающее определенные формы обратного эйблизма (в зарубежной практике возникает понятие «анти-анти-эйблизма», среди сторонников которого доктор наук Джон Когберн), где лица с нетипичной телесностью, входя в когерентное состояние со своим «образом», начинают требовать к себе не то чтобы равных условий, а полного отождествления с их статусом (к примеру, играть в кино и театре инвалидов обязаны только инвалиды).

При этом, на протяжении некоторого времени, наблюдается изменение системы «норм» в отношении ретранслируемых образов телесности в массмедиа культуре. К примеру, если ранее пирсинг и татуировки носили характер символического приобщения личности к первобытному сообществу (в том числе по иерархической составляющей, ритуальным особенностям), перетекая в маргинальные сообщества и неся определённый смысл «обозначивания», то теперь, благодаря глобализации и массмедиа культуре, татуировка и пирсинг более не являются отличительным знаком субкультуры или ритуала, а вошли в моду, изменив сущностный ориентир молодого поколения (т.е. в нынешнее время татуировка и пирсинг более не относятся к разряду «не нормы» самоидентификации личности).

Нивелирование же стереотипности в мышлении также положило начало в создании положительного образа инаковости, используемого в рекламе, спорте, кино, нарративных источниках. В этой связи изменилось и культурное поле,

---

<sup>181</sup>Morris J. *Pride Against Prejudice: Transformation Attitudes to Disability* // London: Women's Press, 1991. P. 85-90.

<sup>182</sup>Интервью в рамках телепередачи «Фактор жизни» от 07.11.2016. URL: <http://inva.tv/index.php/2009-12-23-19-56-23/2009-10-29-13-47-34> (дата обращения: 20.12.2016).



формирующее смыслы, в сторону преобразования восприятия инаковости. Примером может служить ряд рекламных плакатов и лозунгов, которые распространяются Attitude foundation, Par worth Trust charity (используя категорию известных личностей для рекламы по улучшению жизни людей с ОВЗ), реклама Паралимпийских игр, которые были представлены в Ванкувере в 2010 году, сделанные канадским отделением BBDO, в позитивном ключе отражающая смысл отхождения от негативной социальной маркировки людей наделенных нетипичной телесностью, и показывающих пример активной жизненной позиции.

Становление политкорректного языка в свою очередь является отражением динамики политики человеческого разнообразия, пропагандируемой современными социальными организациями. Придание форме инклюзии определенного юридического права и последующая образная репрезентация в плакатном искусстве также направляет динамику в сторону позитивной инкультурации. Некоторые семиотические конструкты могут разделять или выявлять межкультурные пересечения в рамках одного языкового кода. Например, слово «Crip» (англ. «слабак», «калека») которым могут называть себя индивиды с нетипичной телесностью только внутри «своего круга», как механизм самоидентификации. При этом если «не инвалид» использует это слово в адрес человека с ограниченными возможностями, то это может прозвучать как оскорбление. В данном случае слова «crip» и «disability» (англ. «недееспособность») являются идентификаторами в рамках одной культуры, обозначая определенную группу, т.е., разделяя изначально единый социум на касты, что на данном этапе, в зарубежной практике, является негативной формой инкультурации и запрещено к официальному использованию. Начиная с 2005 года, повсеместно в США, начинается введение политкорректного языка и терминологии в отношении лиц с ОВЗ<sup>183</sup>. Культурная среда, при этом, рассматривается как платформа, создающая дополнительные условия для инкультурации индивидов с нетипичной телесностью, а также как пространство

---

<sup>183</sup>Kim Ieng Loi, Weng Hang Kong People with disabilities (PwD) in the tourism industry concepts and issues. URL: // <https://wp.nyu.edu/cts2015/wp-content/uploads/sites/657/2015/06/Loi-and-Kong.pdf>. (access date: 15.02.2017).

для самореализации личности. Множество международных организаций придерживаются принципов доступности для увеличения показателей качества жизни людей с ОВЗ<sup>184</sup>. Следовательно, вышеуказанные примеры, характеризуют присутствующую двойственность в транслируемых на данный момент образах нетипичной телесности личности.

Данная универсиализация представлений атипичности с одной стороны является обусловленной политикой внедрения пропаганды человеческого разнообразия (описанных в ряде работ Е.Р. Ярской-Смирновой), а с другой стороны может служить фундирующим элементом, подменяющим собой понятия идентичности у индивида. Непосредственно в коммуникативном пространстве, установлено, что в силу существующей глобальности, стандарты «красоты» и «уродства», как и «нормы» и «не нормы» телесных практик являются размытыми. Традиционная система ценностей, доселе диктующая правила восприятия нетипичности, не является теперь единственной, определяющей понятие «норма». Стандарты стигмы более неясны, поскольку в данной моделируемой системе существует множество иконических кодов.

Посредством выявленных особенностей представления нетипичного тела в культуре было установлено, что визуальные и языковые парадигмы, вписанные в социокультурное поле, способны наделять объекты дополнительными смыслами, с помощью которых личность самоактуализируется через соотношение себя с Другим, осуществляя процесс присвоения статуса объекту: «свой-чужой», «нормальные-ненормальные» и т.д. Основной спецификой подобного рода инкультурации является двойственность и разнонаправленность конструирования образа личности с нетипичной телесностью, которая может нести как негативную, так и позитивную формирующую символическую интерпретацию. Как следствие – специфика инкультурации нетипичности личности заключается в двойственности транслируемых образов в массмедиа.

---

## Заключение

Осуществленный в данном диссертационном исследовании социально-философский анализ нетипичной телесности личности показал, что существующая дихотомия, бинарная оппозиция «нормы» и «не нормы» телесных практик является базовой категорией нетипичной телесности, но при этом в рамках массмедиа пространства носит размытый и неявный характер и уже отходит от традиционной парадигмы усвоения личностью понятий «нормы» и «не нормы».

С развитием изобразительных средств в искусстве и усилением роли нарративных источников, телесность стала носителем культурного императива, закладывая определенную смысловую нагрузку в саму социокультурную среду посредством символической составляющей собственной онтологической реальности. Само понятие телесности, в дискурсе философских практик, подразумевает рассмотрение только абстрактного, эталонного «образца», в рамках которого происходит осмысление интеракционных процессов. В отечественных же научных кругах, вопрос нетипичной телесности, как вариации телесного бытия, до сих пор остается в рамках исключительно медикалистского либо социального дискурса, как предмета социально-адаптивных взаимоотношений.

Анализ фундирующих основ телесности показал, что аксиология, социология и философия оказываются в этом отношении рядоположенными и вплетенными в одно общее понимание телесности, которое должно также быть осмыслено с позиции символизации данного феномена, помогающей раскрыть характер и ретроспективу телесного взаимоотношения внутри социума<sup>185</sup>. Применительно к объектно-предметной сфере данного исследования, телесность обладает определенным историческим и социально-культурным пространством, которое формируется в рамках межличностного, коммуникативного взаимодействия, что, в свою очередь, детерминирует интерпретацию телесного феномена как актора социальных коммуникаций.

---

<sup>185</sup> Русанова А. А. Специфика репрезентации атипичной телесности в массовых коммуникациях / А. А. Русанова // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 9. URL: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.25> (дата обращения: 17.09.2019).

Осуществленный анализ научной литературы помог выявить ключевые направления в изучении телесности, а также обосновать релевантность междисциплинарного подхода социального конструкционизма по отношению к рассмотрению телесных практик. Также был проведен анализ социальных коммуникаций в отношении способов обозначивания нетипичности, культурно-исторических практик и социальных интеракций.

В рамках рассмотрения проблемы исследования, которая заключается в недостаточном изучении процессов конструирования нетипичности телесных практик в рамках социальных коммуникаций было установлено, что знание о нетипичности формируется в пространстве социальных интеракций и подчиняет себе индивидуума, так как он является погруженным в среду знаково-языкового кодирования медиапространств и социальных отношений.

Наиболее значимыми результатами в рамках проведенного социально-философского анализа конструирования нетипичной телесности являются следующие выводы:

1. В рамках систематизации имеющихся подходов в исследованиях «нормы» / «не нормы» телесности установлено, что бинарность лежит в основе самоидентификации человека в обществе и санкционируется социумом для унификации знаний и представлений о «правильном» теле. Институализация стандартов телесности как интегративного понятия, включающего биологические базисы, социальные, культурные и иные характеристики основывается на бинарной оппозиции «нормы» / «не нормы», что является ключевым условием для формирования представлений о нетипичной телесности в обществе. Бинарная оппозиция «нормы» / «не нормы» становится тем самым основой для формирования значений о нетипичности (друговости, инаковости, атипичности) и фундирует изучение границ социокультурной реальности инаковости в обществе.

2. Представляется, что рассмотрение нетипичной телесности как социального конструкта, создаваемого посредством значений в социальной реальности, является наиболее релевантным подходом. Результатами формирования значений относительно атипичного тела как тела, отличающегося

от «нормы» (атипичная внешность, наличие врожденной или приобретенной с возрастом инвалидности) являются модусы его восприятия в зависимости от социокультурного окружения. Предложено оригинальное авторское определение нетипичной телесности личности, которое раскрывается в двух аспектах. В широком понимании нетипичная телесность есть сумма значений и согласованных норм, посредством которых фиксируются социальные и культурные различия личности, сообществ, групп (это могут быть маргинальные группы, личности с девиантным поведением и прочее), которые *самостоятельно* могут как «входить», так и «выходить» в рамки нетипичности. Установлено, что идентичность такого рода личности конструируется обществом через коммуникативные акты категоризации, приписывания себя к определенной общности, находящейся в рамках определенного дискурса. В узком смысле нетипичная телесность является результатом формирования значений относительно атипичного тела как тела, отличающегося от нормы по независящим от человека причинам (атипичная, нестандартная внешность, наличие врожденной или приобретенной с возрастом инвалидности). На основании данного разделения, автором диссертационного исследования, представляется возможным раскрытие процессов формирования более «узкого» понятия нетипичности в социальных коммуникациях через установление институциональных условий, выявление роли символического опосредования нетипичности и определение специфики инкультурации нетипичности в массмедиа.

3. Установлено, что институциональные условия конструирования нетипичной телесности личности раскрываются в поэтапном процессе стигматизации, признания и включения личности с нетипичной телесностью в систему общественных отношений. На основе анализа и систематизации моделей «инвалидности», демонстрирующих отношение общества к инаковости описан процесс переосмысления проблемы стигматизации. Установлено, что императив нетипичности, имеет свое начало в группе «медикалистских моделей инвалидности», проецируя негативный аспект восприятия нетипичности как характерного знака «неполноценности». При анализе группы «реабилитационных

моделей инвалидности» установлено, что следующим этапом переосмысления проблемы стигматизации является признание личности с нетипичной телесностью в качестве угнетенного меньшинства, одновременно происходит внедрение дискурсивных практик отказа от эйблизма (например, использование политкорректного языка). Завершающий этап конструирования нетипичной телесности посредством институциональных форм находит отражение в «социокультурных моделях инвалидности». На этом этапе личность с нетипичной телесностью включена в общественные отношения как полноценный участник, а граница между «нормой» / «не нормой» является социальной конструкцией, в которой дискурс инвалидности помещен в смысловое пространство политкорректных коммуникаций. Проанализированные модели являются результатом институциональных флуктуаций внутри общества, которые отражают факторы изменения общественных договоренностей.

4. Далее, в процессах социального конструирования нетипичной телесности, акцент делается на тех символах, посредством которых люди конструируют мир не индивидуально в своем сознании, а в социальных коммуникациях (в разговорах, соглашениях, социальных практиках). В этой связи коллективное участие в символическом обмене, как в процессе абстрактного построения реальности, становится центральным элементом самоопределения, где личность, проходя через стадию типизации, в том числе, по телесному признаку, либо осознает собственную нетипичность, инаковость и вливается в общество либо дифференцируется по принципу «свой/чужой». Установлено, что в процессах конструирования нетипичной телесности символическое опосредование играет ключевую роль в силу того, что протекающие в сознании человека символические процессы порождают потребность в их реализации в коммуникативном акте. В таком случае конструирование нетипичной телесности являет собой последовательность символических процессов: возможность существования «нетипичности» в коммуникациях через восприятие инаковости (отличности) тела; на следующем этапе внутри социума конструируются границы между «нормой»/ «не нормой», происходит категоризация нетипичности; на третьем этапе символизация

нетипичности становится способом конструирования телесности. Тем самым в символических формах происходит конструирование нетипичной телесности.

5. Определена специфика массмедиа, как инструмента формирования и усвоения норм и правил культуры личностью в разрезе представления нетипичности в социальных аспектах «подражания». Массмедиа являются трансляторами символических форм нетипичной телесности. В современном коммуникативном пространстве, в силу его глобальности, стандарты «красоты» и «уродства» размываются. Традиционная система ценностей, диктующая правила восприятия нетипичности, не является более единственной, определяющей понятие «норма». Стандарты стигмы неясны, поскольку в данной моделируемой системе существует множество иконических кодов. Через глобальность массмедиа коммуникаций задается специфика инкультурации нетипичности как отсутствие четкой границы между «нормой» / «не нормой» в конструировании нетипичной телесности личности. Для выявления «размытости» в процессах инкультурации нетипичности требуется дальнейшее проведение социологических исследований.

Проведенный социально-философский анализ нетипичной телесности позволил установить процессы конструирования нетипичности во взаимосвязи институциональных условий, символического обмена и особенностей массмедиа инкультурации. Исследование способствует дальнейшему осмыслению идей, развиваемых в этом направлении, открываются возможности для формирования интегративных представлений о факторах, определяющих нетипичность в современном мышлении. На основе представленного исследования могут быть предприняты шаги в улучшении современной инклюзивной среды в образовании, медиасфере, культуре в целом.

## Список литературы

1. «Автографы войны» Геннадия Доброва [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – 2010-2019. – URL: <https://topwar.ru/13880-frontoviki-karandashnye-risunki-hudozhnika-gennadiya-dobrova.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 27.05.2019).
2. Америкдзе С. П. Обзор зарубежного опыта в области инклюзивного образования / Америкдзе С. П. // Научные исследования в образовании. – 2012. – № 5. – С. 56–70.
3. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии [Электронный ресурс] / Н. В. Антонова. – URL: [www.voppsy.ru/journals\\_all/issues/1996/961/961131.htm](http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1996/961/961131.htm), свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 16.01.2019).
4. Бахтин М. М. К философии поступка [Электронный ресурс] // Работы 1920-х годов. – Киев : Next, 1994. – 511 с. – URL: [http://www.kuchaknig.ru/show\\_book.php?book=177499](http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=177499), свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 05.12.2017).
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
6. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. с англ. Е. Руткевич. – М. : Academia-Центр; Медиум, 1995. – 323 с.
7. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология. М. : Издательство Московского университета, 1984. С. 173-179.
8. Бугуева Н. А. Телесность человека как социокультурный феномен // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. – 2007. – № 16 (94). – С. 66–71.



9. Быховская И. М. Телесность как социокультурный феномен [Электронный ресурс] / И. М. Быховская // Культурология. XX век: энциклопедия в 2 томах. – СПб. : Университетская кн., 1998. – URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt109.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 16.12.2016).

10. Быховская И. М. Телесность человека как объект социокультурного анализа: дис.... д-ра филос. наук / Быховская Ирина Марковна. – М., 1992. – 295 с.

11. Быховская, И. М. Nomosomatikos : аксиология человеческого тела / И. М. Быховская. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 206 с.

12. Быховская И. М. Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы ее анализа) // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: ежегодник. – М.: [б. м.], 1993. – С. 58–68.

13. Вдовина И. С. Морис Мерло-Понти: интерсубъективность и понятие феномена // История философии / под ред. Г. Тавризян. – М. : ИФ РАН, 1997. – Вып. 1. – 205 с.

14. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т.: Т. 1.–М.: Академия, 2006. – 448 с.

15. Виноградов П. Н. Психологические условия формирования визуальной культуры личности / П. Н. Виноградов // Экология визуальности и изобразительное искусство. – СПб. : [б. м.], 2006. – 211 с.

16. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Том 03. Энциклопедия философских наук. Часть 3. Философия духа / Г. В. Ф. Гегель; перевод Б. А. Фохта. – М. : Госполитиздат, 1956. – 367 с.

17. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Том 01. Энциклопедия философских наук. Часть 1. Логика. – М.-Л. : Госиздат, 1929. – 361 с.

18. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т.: Т. 12: Лекции по эстетике. Кн. 1 / Гегель Г. В. Ф.; пер. Б. Г. Столпнера. – М. : [б. м.], 1938. – 494 с.

19. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : [б. м.], 1999. – 496 с.

20. Гуссерль Э. Феноменология / предисл., пер. и примеч. В. И. Молчанова // Логос. – 1991. – № 1. – С. 12–21.
21. Давыдов Ю. Н. Культура – природа – традиция / Ю. Н. Давыдов // Традиция в истории культуры. – М. : Наука, 1978. – С. 41–60.
22. Дегтярева В. В. Условия формирования образовательных стратегий субъектов инклюзивного образования в современном вузе // Философия образования. – 2014. – № 3 (54). – С. 162–173.
23. Декомб В. Современная французская философия / В. Декомб; пер. с франц. М. М. Федоровой. – М. : Весь Мир, 2000. – 344 с.
24. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1995. – 307 с.
25. Жижек С. Возвышенный субъект идеологии / С. Жижек. – М. : Художественный журнал, 1999. – 236 с.
26. Интервью в рамках телепередачи «Фактор жизни» [Электронный ресурс]. – 07.11.2016. – URL: <http://inva.tv/index.php/2009-12-23-19-56-23/2009-10-29-13-47-34>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 20.12.2016).
27. Ионин Л. Г. Культура и социальная структура / Л. Г. Ионин // Социологические чтения. – М. : Институт социологии РАН, 1996. – Вып. 1. – 427 с.
28. Киященко Л. П. О границах телесности человека / Л. П. Киященко // Телесность человека: междисциплинарные исследования / под ред. В. В. Николаевой, П. Д. Тищенко. – М. : Изд-во Философского об-ва, 1991. – С. 7–13.
29. Колесник М. В. Телесность массовой культуры: дис.... канд. филос. наук / Колесник Михаил Васильевич. – Омск, 2007. – 165 с.
30. Кон И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. – М. : Говорящая книга, 1989. – 336 с.
31. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства / пер. с англ. С.П. Евтушенко; общ. ред. и послесл. В. П. Шестакова. – М. : Республика, 2000. – 287 с.
32. Левченко И. Путь к себе. Советы психолога // Социальная защита. – 1995. – № 1. – С. 81–84.

33. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 256 с.
34. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии [Электронный ресурс] / А. Ф. Лосев // PSYLIB: библиотека Фонда содействия развитию психической культуры. — URL: [www.psylib.org.ua/books/lose000/txt005.htm](http://www.psylib.org.ua/books/lose000/txt005.htm), свободный. — Загл. с экрана (дата обращения: 06.11.2015).
35. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
36. Лукьянова Н. А. От знака к семиотическим конструктам коммуникативного пространства: монография / Н. А. Лукьянова; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. — Томск : Изд-во Томского политех. ун-та, 2010. — 245 с.
37. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. Ст. М. Вавилова. — М.; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. — 464 с.
38. Малофеев Н. Н. Западная Европа: Эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии / Н. Н. Малофеев. — М. : Экзамен, 2003. — 256 с.
39. Малофеев Н. Н. Специальное образование в России и за рубежом: В 2-х частях. Часть 1: Западная Европа. — М. : Печатный двор, 1996. — 182 с.
40. Мерло-Понти М. Рабочие записи // Видимое и невидимое / пер. с франц. О. Н. Шпарага. — Мн. : Логвинов, 2006. — С. 554.
41. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. — СПб. : Наука, 1999. — 466 с.
42. Американская социологическая мысль: тексты / Дж. Мид [и др.]; пер. с англ. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — С. 125–128.
43. Михель Д. В. Тело в западной культуре / Д. В. Михель. — Саратов : Научная книга, 2000. — 172 с.
44. Муха О. Я. Тело, плоть, телесность: к методологии определения понятий // Вестник ВолГУ. — 2010. — Сер. 9, Вып. 8, Ч. 1. — С. 12–20.

45. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / сост., общ.ред. и вступт. ст. Е. Петровская. – М. : Издательство AdMarginem, 1999. – 227 с.
46. Очеретяный К. А. Тело как медиа :дис. ... канд. филос. наук / Очеретяный Константин Алексеевич. – СПб., 2015. – 198 с.
47. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. – М. : Рос.полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
48. Подорога В. А. Полное и рассеченное. Психология телесности между душой и телом / В. А. Подорога; ред.-состав. В. П. Зинченко, Т. С. Леви. – М. : АСТ МОСКВА, 2005. – 138 с.
49. Подорога В. А. Феноменология тела: Введение в филос. антропологию. – М. : Изд-во AdMarginem, 1995. – 271 с.
50. Подорога В. Эпоха *Corpus*'а? [Электронный ресурс] // Вопросы и наброски к беседе с Ж.-Л. Нанси. Москва-Страсбург, январь 1996 г. – URL: [http://old.srph.ru/library/%D0%9D%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8\\_%D0%96/Corpus/podoroga.htm](http://old.srph.ru/library/%D0%9D%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B8_%D0%96/Corpus/podoroga.htm), свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 01.01.16).
51. Права человека и инвалидность / Доклад комиссии по правам человека ООН: E/CN, 4/SUB 2/1 911/31/ —76 с.
52. Рамон Ш. Нормализация и социальная валоризация в контексте современной социальной политики // Управление здравоохранением. – 2001. – № 2. – С. 15-25.
53. Раш Дж. Э. История культуры татуировок, пирсинга, скарификации, клеймения и вживления имплантов / Дж. Э. Раш. – СПб. : ИГ Весь, 2011. – 192 с.
54. Рот У. Неполющенность физическая // Энциклопедия социальной работы: В 3т.: Т. 2. – М. : Центр общечеловеческих ценностей, 1994. – С. 134–138.
55. Русанова А. А. Бинарная оппозиция «нормы» / «не нормы» в категории телесности / А. А. Русанова // Аспирантский вестник Поволжья. – 2018. – № 7–8. – С. 37–44. – DOI: 10.17816/2072-2354.2018.18.4.37-43.
56. Русанова А. А. Конструктивная и деструктивная роль символа как объекта культурной идентичности в процессах глобализации [Электронный

ресурс] / А. А. Русанова, Н. А. Лукьянова // *Философская мысль*. – 2017. – № 5. – С. 31–44. – URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=18747](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18747)(дата обращения: 07.07.2019).

57. Русанова А. А. Образы нетипичной телесности в визуальной культуре / А. А. Русанова, Н. А. Лукьянова // *Дискурс*. – 2017. – № 4. – С. 21–31.

58. Русанова А. А. Специфика репрезентации атипичной телесности в массовых коммуникациях [Электронный ресурс] / А. А. Русанова // *Манускрипт*. – 2019. – Т. 12, вып. 9. – С. 123–126. – URL: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.25> (дата обращения: 28.08.2019).

59. Русанова А.А. Стигма нетипичности как форма индивидуализированного телесного бытия / А.А. Русанова // *Вестник Воронежского государственного университета (Серия: Философия)*. – 2019. – №1. – С. 81–89.

60. Гурин С. Философия идентичности [Электронный ресурс] // *ТОПОС. Литературно-философский журнал*. – 2001–2019. – URL: <http://www.topos.ru/article/6727>, свободный. – Загл. экрана (дата обращения: 16.01.2019).

61. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // *Проблема человека в западной философии / общ.ред. Ю. Н. Попова*. – М. : Прогресс, 1988. – С. 207–209.

62. Свасьян К. А. Феноменологическое познание: Пропедевтика и критика / К. А. Свасьян / *АН АрмССР. Ин-т философии и права*. – Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1987. – 199 с.

63. *Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В. Г. Кузнецова*. – М. : ИНФА-М, 2005. – 731 с.

64. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е. Т. Соколова. – М. : МГУ Москва, 1989. – 210 с.

65. Сорокин В. М. К проблеме художественной репрезентации дизонтогенетических феноменов и социально-психологических установок общества по отношению к инвалидам в стереотипах живописных произведений (на

примере картины Г. М. Коржова «Беседа») // Вестник СПбГУ. – 2011. – Сер. 12, Вып. 4. – С. 237–245.

66. Спирова Э.М. Эрих Ротхакер как культурный антрополог. Спектр антропологических учений. Вып. 1 / Отв. ред. П.С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2006. – С. 101–116.

67. Степин В. С. От философии науки – к философской антропологии // Познающее мышление и социальное действие / под ред. Н. И. Кузнецовой. – М. : Ф.А.С.-медиа, 2004. – 544 с.

68. Столин В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1983. – 284 с.

69. Суворова О. С. Телесность человека как основа его жизни и единства с природой [Электронный ресурс] / О. С. Суворова. – URL: <http://www.philosophy.nsc.ru/disc/iphras/library/wbiof0.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 04.11.2017).

70. Тарасенко Е. Модели инвалидности (конструирование национальной концепции социальной политики) // Управление здравоохранением. – 2003. – № 1. – С. 51–62.

71. Тард Ж. Г. Законы подражания = (Lesloisdel'imitation) / пер. с фр.; [Соч.] Ж. Тарда. – СПб. : Ф. Павленков, 1892. – 370 с.

72. Тернер Б. Современные направления развития теории тела // THESIS. – 1994. – № 6. – С. 137–167.

73. Труфанова Е. О. Единство и множественность Я / Е. О. Труфанова. – М. : Канон+, 2010. – 256 с.

74. Труфанова Е. О. Субъект и познание в мире социальных конструкций / Е.О. Труфанова. – М. :Канон+РООИ «Реабилитация», 2018. – 320 с.

75. Тульчинский Г. Постчеловеческая персонология / Г. Тульчинский. – СПб. : [ б. и.], 2002. – 680 с.

76. Формирование инклюзивной организационной культуры. Межкультурные компетенции в социальных службах: методическое руководство /

пер. с англ. под общ.ред. Е. Ярской-Смирновой. – М.: Совет Европы; Вариант, 2017.– 142 с.

77. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М. :AdMarginem, 1999. – 318 с.

78. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности / М. Фуко. – Киев : Дух и Литера, 1998. – Т. 3. – 283 с.

79. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко; пер. с фр. И. Стафф; под ред. В. Гайдамака. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 704 с.

80. Фурс В. Н. Философия незавершённого модерна Юргена Хабермаса / В. Н. Фуре. – Мн.: ЗАО Экономпресс, 2000. – 224 с.

81. Цветус-Сальхова Т. Э. К определению понятий «тело» и «телесность» // Профессиональное образование в современном мире. – 2012. – № 2 (5). – С. 101-108.

82. Чеснов Я. В. Концепт человека в круге антропологических наук / Я. В. Чеснов // Многомерный образ человека. – М. : [б. м.], 2007. – 275 с.

83. Чеснов Я. В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание / Я. В. Чеснов. – М. : ИФ РАН, 2007. – 213 с.

84. Шарден де П. Т. Феномен человека / пер. О. С. Вайнера, Н. А. Садовского. – М. : АСТ, 2012. – 384 с.

85. Шлыкова С. П. Трансформация телесности как абсурдное претворение трансгрессивной практики современного искусства / С. П. Шлыкова // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XXV междунар. науч.-практ. конф.– Новосибирск: СибАК, 2013. – № 9 (22). – С. 143–150.

86. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 507 с.

87. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исслед. – 1988. – № 2. – С. 129–137.

88. Эко У. История уродства / У. Эко; перевод с итал. А. А. Сабашниковой, И. В. Макарова, Е. Л. Кассировой, М. М. Сокольской. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2007. – 456 с.

89. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации / У. Эко; пер. с итал. О. А. Поповой-Пле. – М. : Академический проект, 2016. – 559 с.

90. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 548 с.

91. Якимова Е. В. Социальные представления: теория, критика, практика (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. РЖ. – 1995. – Сер. 11. Социология, № 4. – С. 79–98.

92. Ярская-Смирнова Е. Образ власти и власть образа. Больное тело в культуре / Е. Ярская-Смирнова, П. Романов // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2011. – № 18. – С. 91–116.

93. Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности Информационный бюллетень РФФИ // Науки о человеке и обществе / Саратовский государственный технический университет (СарГТУ). – 1997. – № 5. – 272 с.

94. Ярская-Смирнова Е. Р. Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности / под ред. Е. Р. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – 612 с.

95. Ярская-Смирнова Е. Р. Социальная работа с инвалидами : учеб.пособие / Е. Р. Ярская-Смирнова, Э. К. Наберушкина. – Саратов : СГТУ, 2004. – 316 с.

96. A report on problems and prospects of accessible tourism in India. Indian institute of tourism and travel management [Electronic recourse]. – 2010. – 189 p. – URL: <http://www.niws.nic.in/repor1.pdf>, free. – Tit. screen (access date: 15.02.2017).

97. Allied Health Professions Support Service: supporting disabled student and qualified allied health professionals in educational and employment settings throughout the UK [Electronic recourse]. – 2019. – URL: [https://www.wcpt.org/sites/wcpt.org/files/files/resources/AHP\\_UEL\\_Factsheets/Factsheet-4-Disability-Language-and-Terminology](https://www.wcpt.org/sites/wcpt.org/files/files/resources/AHP_UEL_Factsheets/Factsheet-4-Disability-Language-and-Terminology), free. – Tit. screen (access date: 05.12.2018).



98. Alsberg P. In Quest of man. A biological approach to the problem of man's place in nature [Electronic recourse] / P. Alsberg, M. Dodd. – URL: <https://www.elsevier.com/books/in-quest-of-man/alsberg/978-0-08-015680-4>, free. – Tit. screen (access date: 17.03.18).
99. Barnes C. Disabled people in Britain and discrimination / C. Barnes. – London : Hurst and Co, 1991. – 264 p.
100. Barnes C. The New Politics of Disablement / C. Barnes, M. Oliver. – Basingstoke : Macmillan, 2012. – 252 p.
101. Berger P. L. Arnold Gehlen and the Theory of Institutions / P. L. Berger, H. Kellner. – Social Research, 1965. – 156 p.
102. Berger P. L. The Social Construction of Reality / P. L. Berger, T. Luckmann. – London : Allen Lane, 1967. – 240 p.
103. Bowra C. M. The Heritage of Symbolism / C. M. Bowra. – London : Macmillan; Second Printing edition, 1943. – 240 p.
104. Bryan S. Turner. Chapter 1. Recent Developments in the Theory of the Body [Electronic recourse] // The Body: Social Process and Cultural Theory / M. Featherstone, M. Hepworth, Turner S. Bryan (Eds.). – London: SAGE Publications Ltd., 1993. – 254p.– DOI:<http://dx.doi.org/10.4135/9781446280546.n1>.
105. Butler J. Bodies That Matter. On the discursive limits of “sex” / Butler J. Bodies. – N. Y.; London : Routledge, 1993. – 288 p.
106. Caldwell-Cobbart A. Broad of Educational Affairs Task Force on Diversity Issues at the Precollege and Undergraduate Levels of Education in Psychology [Electronic recourse] / A. Caldwell-Cobbart, R. Fassinger // Disability as diversity: a guide for class discussion. – Washington, DC : American Phychological Association, 1998. – URL: <http://www.apa.org/monitor/feb98/diverse.html>, free. – Tit. screen (access date: 18.11.2018).
107. Campbell J. Disability Politics: Understanding Our Past, Changing Our Fututre / J. Campbell, M. Oliver. – London : Routledge, 1996. – 240 p.
108. Cantor N. Constructive cognition, personal goals, and the social embedding of personality / L. G. Aspinwall, U. M. Staudinger (Eds.) // A psychology of human

strengths: Fundamental questions and future directions for a positive psychology. – Washington, DC : American Psychological Association, 2003. – P. 49–60.

109. Coupland J. Discourse, the body, and identity / J. Coupland, R. Gwyn (Eds.). – N. Y. : Macmillan Publishers Limited, 2003. – 276 p.

110. Depraz N. Embodiment and awareness: perspectives from phenomenology and cognitive science / N. Depraz, S. Gallagher. – Torun : [s. n.], 2003. – 264 p.

111. Durkheim E. The Rules of Sociological Method / E. Durkheim. – N. Y. : Simon and Schuster, 1982. – 264 p.

112. Eco U. A Theory of Semiotics / U. A. Eco. – Bloomington : Indiana University Press, 1979. – 354 p.

113. Finkelstein V. Disabled People and Our Cultural Development [Electronic recourse] // Dail (Disability Arts in London) Magazine. – 1987. – URL: <http://www.independentliving.org/docs3/finkelstein87a.pdf>, free. – Tit. screen (access date: 12.05.2018).

114. French J. R. The Bases of social power / J. R. French, B. H. Raven // Studies in social power. – 1972. – Vol. 6. – P. 150–167.

115. Gergen K. J. Social Psychology as History / K. J. Gergen // Journal of Personality and Social Psychology. – Vol. 26, 1973. – No. 2. – P. 309–320.

116. Gehlen A. Man, his Nature and Place in the World / A. Gehlen. – N. Y. : Columbia University Press, 1988. – 420 p.

117. Haggard H. W. The Lame, the Halt and the Blind: The Vital Role of Medicine in the History of Civilization / H. W. Haggard. – London : Forgotten Books, 2018. – 458 p.

118. Hahn H. Toward a Politics of Disability: Definitions, Disciplines and Policies [Electronic recourse] / H. Hahn // Unpublished paper. University of Southern California. – 1994. – URL: <http://www.independentliving.org/docs4/hahn.html>, free. – Tit. screen (access date: 17.11.2017).

119. Henderson G. Psychosocial Aspects of Disability Insider Perspectives and Strategies for Counselors / G. Henderson, V. W. Bryan. – N. Y. : Springer Publishing Company, 2011. – 528 p.

120. Howard D. On valuing impairment / D. Howard, S. Aas // *Philosophical Studies*. – 2018. – Vol. 175, № 5. – P. 1113–1133.

121. Hughes B. The social model of disability and the disappearing body: towards a sociology of impairment / B. Hughes, K. Paterson // *Disability and Society*. – 1997. – Vol. 12, № 3. – P. 325–340.

122. Innis H. A. *The Bias of Communication* / H. A. Innis. – Toronto :University of Toronto Press, 1991. – 226 p.

123. Searle J. *The Construction of Social Reality* / J. Searle. – N. Y. : Free Press, 1997. – 256 p.

124. Kamenka E. *The Philosophy of Ludwig Feuerbach* / E. Kamenka. – London: Routledge and K. Paul, 1970. – 288 p.

125. Loi K. L. People with disabilities (PwD) in the tourism industry concepts and issues [Electronic resource] / K. L. Loi, W.H. Kong. – 18 p. – URL: <https://wp.nyu.edu/cts2015/wp-content/uploads/sites/657/2015/06/Loi-and-Kong.pdf>, free. – Tit. screen (access date: 23.05.2019).

126. Lonsdale S. *Women and Disability: the experience of physical disability among women* / S. Lonsdale. – Basingstoke : Macmillan, 1990. – 186 p.

127. McDermott R. *Culture as Disability* / R. McDermott, H. Varenne // *Anthropology and Education Quarterly*. – 1995. – Vol. 26, № 3 – P. 324-348.

128. Metzler I. *Disability in Medieval Europe. Thinking about physical impairment during the high Middle Ages, c. 1100 – c. 1400* / I. Metzler. – London : Routledge Taylor & Francis Group, 2006. – 355 p.

129. Morris J. *Pride Against Prejudice: Transformation Attitudes to Disability* / J. Morris. – London : Women's Press, 1991. – 200 p.

130. Oliver M. *Social Policy and Disability: Some Theoretical Issues* [Electronic resource] // *Disability, Handicap & Society*. – London : Routledge Taylor & Francis Group, 2007. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/02674648666780021>, free. – Tit. screen (access date: 17.06.18).

131. Potter J. Discourse Analysis and Constructionist Approaches: Theoretical Background / J. Potter // Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences. – Leicester : BPS Books, 1996. – Chap. 11. – P. 125–140.

132. Pfeiffer D. The Conceptualization of Disability / D. Pfeiffer // Research in social science and disability. – N. Y. : Elsevier Science, 2001. – Vol. 2. – 115 p.

133. Ratliffe C. Toward a Non-Dualistic Disability Paradigm: Beyond Connectedness [Electronic resource] / C. Ratliffe, J. Haley // Disability Studies Quarterly. – URL: <http://www.dsqsds.org/article/view/349/445>, free. – Tit. screen (access date: 22.05.2019).

134. Transcending Boundaries: Prabhat Rainjan Sarkar's theories of Individual and Social Transformation [Electronic resource] / Eds. S. Inayatulla, J. Fitzgerald. – Maleny :Gurukula Press, 1999. – 255 p. –URL: <http://prsinstitute.org/downloads/related/socialsciences/futures/TranscendingBoundaries.pdf>, free. – Tit. screen (access date: 22.05.2019).

135. Shakespeare T. The social model of disability : An outdated ideology? / T. Shakespeare // Research in Social Science and Disability. – N. Y. : Elsevier Science, 2001. – Vol. 2. – P. 9–28.

136. Physiognomy Divination [Electronic resource] / A. Augustyn, P. Bauer, B. Duignan, Alison Eldridge (Eds.) // Encyclopedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/topic/physiognomy-divination>, free. – Tit. screen (access date: 08.09.2017).

137. Timpanaro S. On Materialism / S. Timpanaro. – London : New Left Books, 1975. – 270 p.

138. Waldenfels B. Das leiblicheSelbst: Vorlesungenzur Phänomenologie des Leibes / B. Waldenfels. – Berlin :Suhrkamp Verlag, 2000. – 418 p.

139. Watson F. Civilization and the Cripple (The Physically Handicapped in Society Series) / F. Watson. – London : Arno Pr, 1930. – 120 p.

140. Perspectives on Embodiment : The Intersections of Nature and Culture / Eds. G. Weiss, H. F. Haber. – N. Y. [s. n.], 1999. – P. 103–120.